

Ю. Якименко (Москва).

Статья А.А. Сидорова о РАХН (1924).

Предисловие публикатора.

СОДЕРЖАНИЕ

I	1
II	2
III	7
IV	8
1	8
2	10
3	19
4	25
V	25
VI	29
VII	38
ПРИЛОЖЕНИЯ.	
1. Списки сокращений, принятых в настоящем исследовании	47

I

Академические юбилеи никогда не праздновались так часто и так пышно, как в советские времена, когда им придавалось значение общегосударственного торжества. Первым в череде этих празднеств по праву считается 200-летие Академии Наук, отмечавшееся 5-14 сентября 1925г.¹; освещение хода его подготовки и проведения в советской прессе иной раз затмевает все остальные научные новости.

В 1924г. юбилейной тематике принадлежит одно из важных мест в повестке дня руководящих органов «еще одной Академии» - Художественных Наук. Ее ведущие сотрудники стремятся доказать, что «ничтожно малый во временном беге цикл трехлетний» является «несоизмеримо важным»

«в истории нашей культуры, совпадая с подъемом советского мирного, после огненного испытания гражданской войны и военного коммунизма, строительства».²

Трехлетие РАХН в ее документах неразрывно связано с намеченным на осень юбилейным заседанием Ученого Совета и подготовкой приуроченного к нему «Отчета», фиксирующего основные достижения Академии за трехлетний период ее существования.

Материалы РГАЛИ позволяют реконструировать основные вехи составления этого «Отчета». Текст в использованных для этого цитатах дается в основном в редакции их авторов (с вынесением отдельных слов в подстрочные примечания). Разрядка и подчеркивания заменены курсивом.

¹ М.Ю. Сорокина. «Придать ... импозантный характер» // Природа. 1999. № 12. С. 59-72.

² Цит по: А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924 // Искусство как язык - языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. Т. II. Публикации. М., 2017. С. 18.

II

Подготовка трехлетнего «Отчета» считалась сложным делом, требующим большой предварительной работы и «осведомленности, которою располагает один лишь А.И. Кондратьев»³ - ученый секретарь и автор обширной статьи о РАХН, опубликованной в печатном органе Академии в 1923г.⁴ 11 апреля 1924г. Правление РАХН рассматривает и утверждает представленную им программу «Отчета» «с опросной картой», разработанную секретариатом.⁵ На этом участие А.И. Кондратьева в составлении юбилейного «Отчета» фактически заканчивается – в связи с его отъездом на XIV Международную выставку искусств в Венецию в мае 1924г., оформленным постановлением Правления РАХН от 11 апреля 1924г.

С подачи Г.Г. Шпета на время заграничной командировки А.И. Кондратьева исполняющим его обязанности утверждается А.А. Сидоров, от которого поначалу ожидается лишь способность

«в течение двух-трех недель ... заменить не только ученого секретаря, но в случае надобности и Вице-Президента».⁶

Однако уже в конце мая становится ясно, что составление трехлетнего «Отчета» находится под угрозой срыва – поскольку кроме программы в данном направлении

«почти что ничего еще не сделано, а также ввиду краткости остающегося до заседания Ученого Совета времени».

Поэтому 23 мая 1924г. по предложению Президиума, озвученному Н.К. Пиксановым, Правление Академии постановляет «повести работу в ускоренном темпе» и вносит изменения в первоначальный план «Отчета». Последний теперь видится состоящим из трех частей:

«1) Историческая часть, 2) все материалы по этому поводу, 3) если позволит место, перемены в личном составе и труды членов Российской Академии Художественных Наук».

Первая («историческая») часть работы, «не превышающая объемом двух листов», поручается «члену Правления А.А. Сидорову».⁷

Вновь вопрос об «Отчете» поднимается в заседании Правления 22 августа; А.А. Сидоров сообщает о намерении завершить возложенную на него историческую часть «через неделю». 4 сентября он представляет Правлению составленные им отчетные материалы, которые решено «размножить и передать для ознакомления всем членам Правления».⁸

По предложению Г.Г. Шпета «составление остальных пяти листов» отчета «(состав, перемещение, характер занятий, список членов)» и «наблюдение за [его] печатанием» поручаются В.Э. Морицу. Предполагается, что он «должен быть готов к 5-8 октября».⁹ 4 сентября 1924г. В.Э. Морицу предписано «немедленно приступить» к печатанию его «с тем, чтобы он мог выйти из печати в первых числах октября».¹⁰ 19

³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 74. Позднее А.А. Тахо-Годи назовет его в числе друзей супругов А.Ф. и В.М. Лосевых, помогавших им при раскопках и спасении рукописей философа в развалинах их дома, образовавшихся после бомбежки Москвы немцами в августе 1941г. См.: *А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: воспоминания.* М., 2009. С. 372-373.

⁴ *А.И. Кондратьев.* Российская Академия Художественных Наук // *Искусство-1.* 1923. № 1. С. 407-449.

⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 76об. В материалах заседания указанная программа отсутствует.

⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 68, 75.

⁷ Там же. Л. 59.

⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 19об.

⁹ Там же. Л. 41.

¹⁰ Там же. Л. 19об.

мая 1925-го Президиум ГАХН в составе Г.Г. Шпета, А.А. Сидорова и Б.В. Шапошникова, вновь рассмотрев вопрос «14. О печатании 4-хгодового отчета Академии», постановляет «Сдать Отчет в типографию не позже 1 июля с[его] г[ода]». ¹¹

Однако планы Правления и Президиума не осуществляются: часть «Отчета», порученная В.Э. Морицу, доведенная до конца сентября 1925г., публикуется лишь в 1926-м. В предисловии к ней А.А. Сидоров, уже сменивший А.И. Кондратьева в должности ученого секретаря Академии, от имени последней выражает благодарность

«за исключительную помощь при составлении данного отчета ... В.Э. Морицу и М.И. Ивановой-Еленевской».

И указывает:

«Отчет, издаваемый ГАХН за четыре года ее работы, распадается на две части, из которых первая посвящена фактической сводке всех работ ГАХН. Сводка эта имеет целью подвести чисто материальный – количественный итог трудам Академии. Темы докладов перечисляются в хронологическом порядке, с распределением их по тем научным ячейкам ГАХН, в которых они читались. Задача сводки – первоначально справочная [...] Рассматривая данный выпуск Отчета как «оглавление» своей работы, ГАХН откладывает ее идеологическое освещение до более подробного исторического очерка, имеющего составить второй отчетный выпуск». ¹²

Судьба материалов, подготовленных самим А.А. Сидоровым, остается неясной, поскольку обещание Академии так и не было выполнено – ни по случаю четырехлетия, ознаменованного выходом упомянутого выше «Отчета», ни даже в связи с 10-летием Октябрьской революции, к которому были составлены сводки достижений во всех областях советского строительства. Хотя 19 июля 1926г. Президиум ГАХН в составе П.С. Когана (председатель), Г.Г. Шпета, А.А. Сидорова (в качестве ученого секретаря), Б.В. Шапошникова, представителей Кино-кабинета Ф.П. Шипулинского, Т.И. Сорокина, В.Ф. Ашмарина (фамилия которого в протоколе заседания дана без инициалов) и Г.М. Болтянского (имеющего неточные инициалы - И.М.) при секретаре Л.П. Копейкиной наконец принимает решение

«9. Издать к пятилетнему юбилею Г.А.Х.Н. отдельной брошюрой статью А.А. Сидорова «История возникновения и первое время работы Гос[ударственной] Академии Художественных Наук»». ¹³

Место обещанного «второго отчетного выпуска» с «идеологическим освещением» четырехлетней работы Академии с 1925г. занимают редактируемые А.А. Сидоровым «Бюллетени Г.А.Х.Н.» да написанные для советской прессы словно под копирку статьи об этом учреждении его сотрудников, задача которых заключалась в показе значимости ГАХН для текущего культурного строительства и предоставлении статистических сведений о ее работах «на вечность» и «на злобу дня», с уклоном в последнюю. Доклады сотрудников и приглашенных лиц прошлых лет если и присутствуют в подобных статьях, то идут общим списком по структурным подразделениям Академии без привязки к конкретным датам, становясь, таким образом, частью «современности». ¹⁴

¹¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 90, 91.

¹² А.А. Сидоров. Предисловие // ГАХН. Отчет 1921-1925. М., 1926. С. 3.

¹³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 162, 163.

¹⁴ См. например: П.С. Коган. Академия Художественных Наук (К четырехлетию со дня основания) // Известия. 1925. 27 октября. № 246 (2579). С. 5, *Он же*. Государственная Академия Художественных Наук // Бюллетени Г.А.Х.Н. / под ред. А.А. Сидорова. МСМХХV [1925]. № 1. С. 5-7, *Он же*. Российская Академия Художественных Наук // Научный работник. 1925. Кн. 2. С. 56-63, Государственная Академия Художественных Наук. М., 1925 и др.

Пожалуй, из общего ряда несколько выбиваются – вследствие обращения в них к предыстории РАХН (ГАХН) - статья об Академии ее президента П.С. Когана 1927г. и опубликованная годом раньше без подписи в информационном отделе журнала «Наука и искусство» статья А.А. Сидорова.¹⁵ Дата публикации последней - 1926г. - совпадает со временем принятия решения об издании к пятилетнему юбилею ГАХН, ученым секретарем которой Алексей Алексеевич оставался до 1929г.¹⁶ И, как показывают изученные нами документы Академии, даже в этом случае сидоровская статья вышла с опозданием - ведь предложение о ее публикации рассматривалось еще весной 1925-го. 10 апреля 1925г. Президиум ГАХН в составе П.С. Когана, Г.Г. Шпета, А.А. Сидорова и Б.В. Шапошникова, рассмотрев «13. Предложение Главнауки представить статью о деятельности Академии в журнал Главнауки «Наука и искусство», предлагает «13. Поручить А.А. Сидорову написать указанную статью».¹⁷

А журнал, предоставивший для нее свои страницы, довольно быстро прекращает свое существование - в отличие от академических «Бюллетеней», выходявших до 1928г. Именно в них (и тоже в первом номере, редакция которого была закончена 1 июня 1925г.¹⁸) публикуется статья А.А. Сидорова, существенно дополнявшая то, что уже говорилось о ГАХН в печати раньше, и, как и многие другие статьи этого критика, ориентированная на «злобу дня». Использование им слов, производных от слова «отчет», ставит данную работу в один ряд с другими его статьями, характеризующими с разных сторон деятельность Академии.¹⁹

Оценивая некоторые мероприятия советского правительства в области выставочного дела через призму участия в последнем ГАХН, Алексей Алексеевич видел в описываемых им наблюдениях «весьма привлекательную» для него

«возможность исторических параллелей. С самого того дня, как впервые в России появились заезжие иностранные мастера, с Аристотеля ли Фиоравенти²⁰, с Детерса ли Вухтерса в XVII веке, с Каравакка и Торелли в XVIII; продолжая посылкою Петровых пенсионеров, Никитиных и Матвеевых, на выучку за границу²¹ и кончая хотя бы плачевно – славным современным искусством наших зарубежных – мы можем отметить несколько вариантов в отношении русского искусства с западным. Речь может идти²² или: о появлении в России беглым метеором славного мастера, близкого к первому классу, выполняющего здесь иные более или менее эпизодические работы, уносящегося назад без особого влияния и завоевания для нашей художественной культуры; или о чем-то более длительном и подлинном. [...] Первый вариант: русский художник едет на Запад учиться. Все эти длительные отрывы от русской действительности кончались для художников наших трагически [...] Россия давала – и запад брал без особой в том нужды «неуклюжих учеников» наших. Его ответом была – та плеяда мастеров уже откровенно второстепенных, которые стали руководителями наших Академий, отцами Брюлловых и Бруни. Не эти ли скромные или нескромные учителя наших художественных поколений определили характер русского искусства XIX века? И по существу не от их ли всячески малосносной ферулы бежали художники русские в народ с передвижниками и в Париж с мастерами более новыми? – Мы отметим

¹⁵ П.С. Коган. Государственная Академия Художественных Наук // ПиР. 1927. Кн. 7. Октябрь – ноябрь. С. 293-299, [А.А. Сидоров.] Академия Художественных Наук // Наука и искусство. 1926. № 1. С. 208-212.

¹⁶ См.: Искусство как язык - языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. II. Публикации. С. 892 (именной указатель).

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 187, 188

¹⁸ См.: Бюллетени Г.А.Х.Н. М., МСМХХV [1925]. № 1. Об. тит. л.

¹⁹ См.: А.А. Сидоров. Изобразительные Искусства 1924-24г.: СССР и Германия // Там же. С. 19-30, особенно С. 20 (упоминаются «отчеты» конкретных академических ячеек), 21 (два примера – «зимние месяцы отчетного периода» и «в отчетной части»).

²⁰ Так в тексте.

²¹ В тексте слитно: «заграницу». Ю.Я.

²² В тексте с двумя «т»: «итти». Ю.Я.

напоследок один знаменательный факт. Если в XVIII и в XIX веке превалирует в отношениях русского искусства с западом обмен художниками, перетасовка живой силы, то в конце XIX века, начиная с деятельности С.М. Третьякова, продолжая собирательством Щукина, Морозова и Рябушинского, всех этих типичнейших представителей оппозиционного Московского купечества, история нашей художественной культуры переходит на путь встречи с *картинами*. По существу нам оказывается нечему учиться у западных художников как у таковых, как у живых лиц; но их картины впитываются в реквизит нашего искусства. Музей новой западной живописи оказывается лучшей школой для московской молодежи ... ».²³

Антитезой политики советского *государства* в области искусства в царской России служит для него эпоха Николая I:

«История государственной собирательской и музейной политики станет когда-либо предметом очень тщательного и ответственного изучения. Ее наличие и необходимость – вне сомнений. Она была нелепо порою вкусовою в старое время, при Николае I выбрасывая из Эрмитажа сотни картин, признаваемых «недостойными»; бережная и скупая у нас ныне, создающая государственные фонды, запрещающая вывоз из пределов страны всего обще-ценного. Государство в этой плоскости себя себя обеспечивает комиссиями специалистов, создает административные и методические органы руководства музейной жизнью. Рост и значение музеев наших теперь являются очевидно лучшим показателем правильности принятой линии поведения».²⁴

В связи с избранным углом зрения предыстория *Академии в целом* А.А. Сидорова не интересует; он сам признает, что избранная им «тема должна быть ограничена».²⁵ И в цитируемой статье он говорит в основном о Первой Всеобщей выставке новейшего германского искусства 1924г., поскольку

«ГАХН приняла близкое идеологическое участие в устройстве и истолковании ее в Москве».²⁶

Оставив «повествование о парижской выставке декоративных искусств», не менее важной и для Академии, и для страны в целом для второго выпуска гахновских «Бюллетений». Обещанная им статья о ней²⁷ принадлежала перу уже другого лица - еще одного сотрудника Академии, также имевшего отношение, как уже было показано, и к намечавшимся к публикации отчетным материалам ГАХН, – В.Э. Морица²⁸.

Обращаясь к гахновской предыстории, коллега А.А. Сидорова и автор первой из упомянутых нами выше из выделяющихся на общем фоне статей об Академии, П.С. Коган, цитирует собственную докладную записку наркому по просвещению,

«в которой выдвигалась мысль о необходимости создания Академии».

Он упоминает «первое заседание учрежденной для упомянутой ... цели «Постоянной научно-художественной комиссии» 16 июня 1921г. с докладами А.В. Луначарского и своим собственным. Все остальное оставлено П.С. Коганом на долю «подготавливаемой к печати истории Академии проф. А.А. Сидорова», откуда заимствуется фрагмент о взаимоотношениях ученого и художника.²⁹

Вторая из упомянутых статей, также подчеркивая «интерес очень значительный» *истории* РАХН (ГАХН), ограничивается краткими экскурсами в область взаимодействия искусства и науки и искусства и государства в «новой Европе»

²³ Цит. по: А.А. Сидоров. Изобразительные Искусства 1924-24г.: СССР и Германия. С. 23-24.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Там же. С. 21.

²⁶ Там же.

²⁷ А.А. Сидоров. Изобразительные Искусства 1924-24г.: СССР и Германия. С. 21.

²⁸ См.: В. Мориц. Советский Отдел Международной Выставки Декоративных Искусств в Париже 1925 // Бюллетени Г.А.Х.Н. М., МСМХХVI [1926]. № 2-3. С. 7-17.

²⁹ П.С. Коган. Государственная Академия Художественных Наук // ПиР. 1927. Кн. 7. Октябрь – ноябрь. С. 293-295, А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924. С. 19. Примеч. 4 и 6.

и советской России. Не называя при этом никаких имен³⁰, в изобилии присутствующих в незавершенной и в ряде мест текстуально совпадающей с ней³¹ статье А.А. Сидорова «Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924».

Мы полагаем, что последняя и есть «историческая» часть трехлетнего отчета РАХН, ведь только в ней можно обнаружить черты первоначального обширного замысла - с опорой на исторические данные показать своеобразие «учреждения, единственного в своем роде не только у нас, но и на западе»³², и обосновать его особое положение среди аналогичных учреждений как Советской России, так и иностранных. Стоит отметить, что в отношении подготовленного труда наряду с «историческим очерком» и «историческими главами академической жизни» самим автором нередко используются слова «наш отчет», а применительно к тому или иному академическому году – «отчетный период».

В пользу нашего предположения также могут свидетельствовать и помета о копировании этой статьи («перепечатанная копия на Б[ольшой] Спасской»), и отсутствие упоминания некоторых весьма важных фактов, впоследствии довольно часто используемых авторами статей Академии из ее среды для доказательства нужности и полезности ГАХН «советской общественности».

В первую очередь речь идет, конечно, о постановлении НКП РСФСР от 28 августа 1924г., которым Академия признавалась «органом НКпроса по осуществлению художественных выставок за границей».³³

Учитывая внимание, уделенное А.А. Сидоровым организованной РАХН Всероссийской художественно-промышленной выставке 1923г.³⁴, сложно представить, чтобы постановление, значительно расширяющее сферу деятельности Академии, осталось им незамеченным. Однако о существовании этого документа сотрудники РАХН узнали из сообщения П.С. Когана только 4 сентября³⁵, когда и было принято решение о размножении и передаче для ознакомления членам Правления представленных А.А. Сидоровым отчетных материалов.

Еще одним аргументом в пользу нашего предположения может служить утверждение самого А.А. Сидорова о том, что

«создание основной психофизической лаборатории художественных наук есть и сейчас одна из близких и наиболее для Академии важных целей».

Указанная лаборатория была утверждена постановлением Правления Академии от 26 сентября 1924г.³⁶, т.е. также после 4 сентября.

³⁰ Во всем тексте можно обнаружить лишь одно имя, связанное с законодательством, «преследующим искусство под тем или иным предлогом» - “Lex Heinze”. См. [А.А. Сидоров.] Академия Художественных Наук. С. 209.

³¹ А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924. С. 18. Примеч. 2, С. 22. Примеч. 15 и 16.

³² 3-летие Российской Академии Художественных Наук (Беседа с президентом Академии П.С. Коганом) // ЖИ-2. 1924. № 46 (1019). 11 ноября. С. 8.

³³ Текст его см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 25.

Впоследствии Л.В. Горнунг, выполнявший техническую работу для ряда организованных Академией выставок «под руководством В.Э. Морица», как и многие другие гахновцы, был уверен, что «нарком просвещения А.В. Луначарский возложил [...] на ГАХН устройство всех художественных выставок». См.: Л.В. Горнунг. Жизнеописание [февраль 1982г.] // Он же. «Свидетель терпеливый ... ». Дневники, мемуары / сост. [подгот. текста, предисл., коммент.] Т. Нешумовой. М., 2019. С. 36.

³⁴ А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924. С. 43-44. Примеч. 125, С. 85-86. Примеч. 364, 365, С. 92. Примеч. 403, С. 97.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 19об.

³⁶ А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924. С. 27. Примеч. 43.

Готовившаяся в течение летних месяцев 1924г. посвященная трехлетию Академии Художественных Наук статья А.А. Сидорова, однако, не была закончена. Об этом свидетельствуют как резкий обрыв текста на одном из заседаний *Литературной секции*, так и отсутствие глав (-ы), посвященных (-ой) структурным изменениям в Академии в 1923-1924 академическом году, и общих выводов, подобных имеющимся в упомянутой выше статье в «Науке и искусстве». За рамками статьи остались и взаимоотношения РАХН с аналогичными учреждениями (за исключением тех, что были присоединены к Академии по завершении работы Ларинской комиссии) и обществами Советской России (ОЛРС и др.).

Вопрос о незавершенности публикуемой статьи А.А. Сидорова – это во многом вопрос о том, почему не состоялся трехлетний юбилей РАХН. Для ответа на него необходимо выяснить, чем стали для Академии 1924г. и несколько следующих за ним лет.

III

«Есть в Москве Академия Художественных Наук ... Очень странная академия,
- так начинает отчет о состоявшемся в РАХН диспуте о постановке В. Мейерхольдом «Леса» А.Н. Островского критик М. Загорский.

« – Дочь революции и бывшего художественного отдела Наркомпроса, она любит все современное, работают в ней в большинстве еще очень молодые люди, выросшие на наших глазах под попечительным надзором О.Д. Каменевой, президентствует в ней уважаемый П. Коган, марксист по убеждениям и эстет по повадкам, утром, днем, вечером и ночью происходят заседания и раз в три года выходят труды Академии под заглавием «Искусство». В общем, очень приличная академия, твердо убежденная, что революция уже кончилась и что пора уже архивариусам приступить к научной описи, квалификации и систематизации всего случившегося, а также к протоколированию всего продолжающегося, как это ни странно, еще случаться в русской жизни».³⁷

И М. Загорский был не единственным в таком отношении к РАХН, само наименование которой «в просторечии» иной раз расшифровывалось как «АХНаука ...».³⁸ Даже нарком просвещения А.В. Луначарский признавал:

«О работе ГАХН у нас знают очень мало. Можно сказать, за её стенами, за тесным кругом непосредственно принимающих в ней участие лиц слухи об этой работе замирают».³⁹

Еще 3 мая 1924г., выступая на заседании Правления РАХН, А.А. Сидоров предлагает план популяризации работы Академии среди советской общественности.

«Углубление работы в данный момент не так существенно, как расширение ее деятельности. Бюдя академическую часть, надо властно заявить права на исследования на все отрасли художественной деятельности, например, по художественному воспитанию. Академия должна посылать своих представителей на каждую конференцию, на каждый съезд», участвовать в политически значимых комиссиях типа комиссии по увековечению памяти В.И. Ленина. По его мнению, «издательская деятельность Академии неизбежна».

Предложение А.А. Сидорова «хорошо наладить широкую научную и всякую иную информацию о деятельности Академии» было поддержано Н.К. Пиксановым и П.С. Коганом. Первый констатировал, что сведения о наиболее интересных докладах, заслушиваемых в секциях, «не попадают в печать». Например,

³⁷ М. Загорский. Вместо отчета. Диспут о «Лесе» в Академии // Зрелища. [М., 1924]. № 75. С. 8.

³⁸ А.[М.] Авраамов. «Юбилей» // НЗ. 1924. № 43. 4 ноября. С. 7.

³⁹ А.В. Луначарский. Текущие задачи художественных наук // Бюллетени Г.А.Х.Н. МСМХХV [1925]. № 1. С. 8.

«Академию посетили и прочли в ней интересные доклады [В.М.] Жирмунский, Б.В. Нейман, Ф.И. Шмит, С.Д. Балухатый и др. Это также не было надлежащим образом отмечено в печати».

Президент ГАХН обратил внимание и на другое:

«Есть целый ряд учреждений, где вопросы искусства решаются без Академии. Следовало бы организовать систематическое наблюдение за тем, где поднимаются вопросы, по своему характеру близкие Академии».⁴⁰

Таким образом, Академии необходимо было решить две взаимосвязанные друг с другом задачи: определить свое место в системе государственных научно-художественных учреждений (впоследствии эта задача частично была решена на методическом совещании по художественному образованию и совещании директоров и заведующих учреждениями Главнауки)⁴¹ и стать известной в более широких кругах, чем это было раньше. Первым шагом к их решению становятся организационные изменения внутри самой Академии.

IV

1

С весны 1924г. руководство РАХН проводит «большую реформу», призванную устранить параллелизм в системе академических ячеек, ввести в рамки «соответственно их значению части, разбухшие благодаря различным причинам», произвести перегруппировку задач между отделениями и секциями. И тем самым превратить Академию в

«стройный орган, в котором нет ничего случайного и лишнего, нет неравномерности, все направлено к одной цели».⁴²

В основе проводимых мероприятий – «проект Н.К. Пиксанова», отредактированный особой комиссией в составе автора, А.М. Родионова и Г.Г. Шпета.⁴³

Эта осуществлявшаяся в 1924-1925гг. реформа, как свидетельствуют материалы, хранящиеся в РГАСПИ, отчасти вызывается предписаниями руководителей «культурного фронта».

Речь идет прежде всего о докладной записке в Агитпроп ЦК РКП (б) (копии – А.В. Луначарскому, [Н.] Мещерякову, Ю.М. Славинскому) о художественной работе Главполитпросвета и других органов Наркомпроса, составленной Р.А. Пельше по предложению заместителя заведующего Агитпропотдела К.А. Мальцева. Ее автор, констатируя «тяжелый кризис во всех отраслях искусства», в числе требующих для выхода из него решения «задач ближайшего времени» назвал

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 66-66об. Озабоченность этими вопросами у сотрудников Академии сохранялась и в дальнейшем. Например, ее отразил (в числе «общих заданий» Академии) производственный план ГАХН на 1925/1926 год, содержащий указание, что «ГАХН озабочена вынесением и популяризацией своих достижений, как указанным путем публичных выступлений, выставок и т.п., так и путем издательства» (в плане последнего выделялось издание науч[н]ых трудов ГАХН в форме ежегодника «Искусство», сборника «Бюллетеней ГАХН», носящих характер научной информации, «Художественной Энциклопедии», распадающейся на ряд специальных, «Введения в искусствоведение», поп[уля]рного руководства для ВУЗов, «Сборника по социологии искусств», «специально выделенного в силу своей актуальной важности»). См.: Там же. Ед. хр. 73. Л. 39об.

⁴¹ Оба совещания состоялись весной 1925г. в Москве. См. о них: Методическое совещание по художественному образованию // СИ. 1925. № 3. Июнь. С. 47-51; В.М. Фриче. Итоги совещания по художественному образованию // Народное образование. 1925. № 5-6. С. 19-21; Конференция директоров научных и научно-художественных учреждений // СИ. 1925. № 3. Июнь. С. 81.

⁴² П.С. Коган. Предисловие // Искусство-1. 1925. № 2. С. 4.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 75об.

«вопрос о реорганизации Академии Художественных Наук в сторону: 1). демократизации и увязки с практикой художественного строительства; 2). перенесения центра тяжести работы на опытно-исследовательскую, с применением методов исторического материализма естественных наук; 3). превращения Академии в единый научно-исследовательский центр СССР с широким использованием опыта мест».⁴⁴

Помимо предписаний вышестоящих инстанций руководство Академии Художественных Наук принимает во внимание и иные – внутренние (административные и финансовые) – соображения.

В отношении первых можно отметить ведущую роль Н.К. Пиксанова, в письме П.С. Когану указавшего, что

«административный строй Академии естественно развивался в направлении дифференциации. Обособлялись Отделения и Секции и в них – Отделы и комиссии. Выделялись и административные функции. Так уже выделилась компетенция вице-президента. Теперь ... предстоит расчленение трех ведомств: 1) ученого секретариата, 2) управления делами и 3) финансовой части. [...] Расчленение этих частей, обычное в других больших учреждениях, подсказывается ... всем ходом и положением вещей в Академии».⁴⁵

Под последним вице-президент РАХН разумел разногласия, уже давно существовавшие в руководящих органах Академии.

«С тех пор как была определена компетенция вице-президента в смысле заведывания ученой частью Академии, все дела и отношения, входящие в Академию и возникающие в ней по этой части, должны были направляться через вице-президента; при отъезде или заболевании президента в ведение вице-президента переходят и его функции. Между тем ученый секретарь часто считал возможным брать на себя функции вице-президента. [...] Не считаясь с компетенцией вице-президента (а иногда и Президиума, и Правления), А.И. Кондратьев весьма расширительно понимает свою собственную компетенцию. [...] Сосредотачивая в своем единоличном управлении три обширных ведомства: 1) ученый секретариат, 2) управления делами Академии и 3) финансовую часть, А.И. Кондратьев приобретает большое влияние на все функции и работников Академии. Такая концентрация полномочий была бы рискован[н]а для человека любого опыта и возраста, ученой компетенции, культурного уровня и общественного такта».⁴⁶

Существенные изменения происходят в этот период и в отдельных структурных подразделениях Академии. Так, из существовавших ранее четырех комиссий при *ФО* остаются только три: *по изучению проблемы художественной формы, по изучению истории эстетических учений и по Словарю художественной терминологии*. В отношении четвертой принимается решение

«комиссии по изучению проблемы времени в искусстве как самостоятельной не сохранять, а слить ее с комиссией по проблеме формы».⁴⁷

ЛС РАХН признает «желательн[ой]»⁴⁸ организацию подсекции «германо-романских художественных литератур» и принимает решение «просить Правление об ее⁴⁹ утверждении».

⁴⁴ Докладная записка Р.А. Пельше в Агитпроп ЦК РКП (б) (Копия – [А.В.] Луначарскому, [Н.] Мещерякову, [Ю.М.] Славинскому) о художественной работе Главполитпросвета и др[угих] органов НКП [1924г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 747. Л. 283об., 288-288об.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 8 (письмо от 17 февраля 1924г.).

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 7, 7об. (письмо от 17 февраля 1924г.).

⁴⁷ Ю.Н. Якименко. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН // Искусство как язык - языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. Т. I. Исследования. М., 2017. С. 353.

⁴⁸ В тексте протокола заседания – явная опечатка: «признать желательным».

⁴⁹ Так в тексте.

Аналогичное предложение, касающееся художественных литератур Востока, поддержки в этот период не получает; рассмотрев соответствующий вопрос, Секция постановляет:

«6. Доклады по восточным литературам, поступающим для прочтения, направлять в п[од]секцию романо-германских литератур».⁵⁰

Интересно отметить, что в этом отношении Академия художественных наук, по видимому, на несколько лет опережает незаметно советизирующийся мир русской науки. По наблюдению М.А. Робинсона, зафиксировавшего оживившуюся переписку «русских ученых по обе стороны границы в 1927 и 1928 гг.», продолжающееся общение прежних коллег и их попытки «восстановить связи, прерванные еще Гражданской войной», а также появление новых корреспондентов – уехавших за границу ученых «молодого поколения», 1928 год становится «всплеском активности, не имевшим, однако, продолжения».

К этому времени или чуть позже, к началу «эпохи «великого перелома»», по его мнению,

«многие жившие на Западе русские ученые начали понимать, что, переписываясь с коллегами в СССР, они могут подвергать их опасности, навлекая обвинение в преступных контактах с белоэмигрантами. Возможно, по той же причине такие тесно связанные с Россией и русскими учеными слависты, как [М.] Фасмер и А. Мазон, отказываются в переписке от русского языка, дабы не смущать органы советской цензуры, ответственные за перлюстрацию. Избранные в 1928 г. иностранными членами АН СССР, они переходят в том же году на немецкий язык (Фасмер в переписке с [Е.Ф.] Карским и [Б.М.] Ляпуновым) и французский (Мазон с Ляпуновым)».⁵¹

2

Вне поля зрения исследователя при этом остается несколько событий, не связанных напрямую со славистикой. В их числе прежде всего 1) публикация на страницах журнала «Печать и революция» посвященной «сорокалетию научной деятельности акад[емика] Н.Я. Марра» небольшой статьи Р.О. Шор⁵², в некоторых моментах неявно отсылающей к ее опубликованной в том же году в составе подводящего итоги развитию общественных наук в СССР за десять лет (1917-1927) сборника под редакцией В.П. Волгина, Г.О. Гордона и И.К. Луппола и хронологически более ранней статье «Основные проблемы яфетической теории». В своей новой публикации Розалия Осиповна разъясняла аудитории «одного из самых крупных периодических изданий 20-х годов, посвященных проблемам литературы и искусства»⁵³, что

«термин «яфетическая теория», обычно применяемый к новому учению о языке, выдвинутому акад[емиком] Н.Я. Марром, имеет историческое обоснование (поскольку первым материалом для его построений послужили изыскания в области языков яфетических⁵⁴), но отнюдь не охватывает в настоящее время его содержания».

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 137-137об.

⁵¹ Цит. по: М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов) / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М., 2004. С. 222-223.

⁵² См.: Р. Шор. Синтетическое направление в новом учении о языке (К сорокалетию научной деятельности акад[емика] Н.Я. Марра) // ПиР. 1928. Кн. 5. Июль – август. С. 137-139.

⁵³ С. Грачева. Художественная критика в журнале «Печать и революция» // Искусствознание. М., 2010. № 3-4. С. 542.

⁵⁴ Каковой термин также получал в цитируемой статье свое отсылающее к библейской мифологии толкование. Дословно: ««Яфетическими» (от имени легендарного сына Ноя - Яфета) языки эти были названы ввиду их большой близости к группам языков, которым традицией были присвоены имена «семитских» (от имени Сима) и «хамитских» (от имени Хама)». См.: Р. Шор. Синтетическое направление в новом учении о языке (К сорокалетию научной деятельности акад[емика] Н.Я. Марра). С. 137. Примеч. 1).

Кратко прослеживала эволюцию «нового учения», ставящего себе целью «пересмотр старой лингвистической методологии в смысле сближения ее с методами других общественных дисциплин», и определяла то общее, что, по ее мнению, можно было наблюдать на всех этапах упомянутой эволюции.⁵⁵ Настаивала на том, что позднее найдет отражение и в ее собственных текстах⁵⁶, и в совместном с Н.С. Трубецким фундаментальном проекте еще одного шпетовского ученика, Р.О. Якобсона «Языки СССР» (“Sprachen der UdSSR”), разрабатывавшемся для берлинского издательства “De Gruyter” (1929)⁵⁷, но, судя по всему, окончившемся неудачей «в связи с нарастанием международной экономической и политической депрессии» (Р.О. Якобсон)⁵⁸. А именно - на необходимости введения в общую лингвистику «ряда

⁵⁵ Дословно: «[...] признание равноправными так наз[ываемых] колониальных и малокультурных языков в области общественно-научных изысканий; отказ от искусственного отрыва лингвистического явления от остальных социальных явлений в процессе его изучения; широкий синтез данных экономики, социологии и истории, истории материальной культуры и этнологии при рассмотрении лингвистических явлений – вот что проходит красной нитью через все этапы развития яфетической теории». См.: Там же. С. 137, 138, особенно С. 138.

⁵⁶ Например, в написанной в соавторстве (предположительно) с Б.В. Горнунгом энциклопедической статье «Терминология». Дословно: «Проведенная за время после Великой Октябрьской социалистической революции значительная работа по созданию т[ерминологии] на языках народов СССР является одним из важных звеньев в строительстве национальных языков единственной в мире страны, осуществившей принцип равноправия национальностей». См.: Б.Г. [Б.В. Горнунг?], Р.Ш. [Р.О. Шор]. Терминология // ЛЭ-2. Т. 11 [Стансы - Фортегуерри]. М., 1939. Стлб. 241.

⁵⁷ См. об этом: В.П. Нерознак. Мысли об энциклопедии «Языки СССР»: проект Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 4. Июль – август. С. 77-84. По-видимому, нечто подобное имел в виду С.Я. Мазе, сообщавший Г.Г. Шпету о новостях из Берлина (и разговорах с Р.О. Якобсоном, который «был здесь в течение нескольких дней») в ноябре 1928-го: «Роман Осипович был злобно настроен против Москвы, против Вас, против нас, - получалось впечатление, что тут карты мешают». На момент написания цитируемого письма будущие инициаторы проекта (а С.Я. Мазе упоминает их обоих в связи с лингвистическим конгрессом, с отчетом о котором выступил Лео Шпитцер) заключили союз «с французами» по вопросу «об автономности лингвистики от филологии». См.: Друзья и коллеги ... Мазе С. – Шпету Г. // Густав Шпет: философ в культуре. Документы и письма / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2012. С. 40-42, особенно С. 40, 41, а также: Ю.Н. Якименко. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН. С. 401 (в сокращении).

Почти синхронно с упомянутым эмигрантским проектом в ГАХН, до того отметившейся в основном командировками на Кавказ Р.О. Шор и организацией этнографических вечеров (которым уделено достаточно внимания в гахновских «Бюллетенях»), заслушивается и обсуждается (с участием уроженцев Кавказа в лице С.И. Амаглобели) доклад С.С. Кононович «Лакские частушки и песни и их перевод на русский язык» (другие названия – «Лакские (кази-кумухские) песни и частушки», «Лакские песни-частушки», 19 марта 1929г.). По итогам дискуссии по нему принимается решение «считать желательным продолжить работу, начатую т. Кононович. Считать желательным найти в Москве лака, могущего исполнить с голоса песни и произвести их дословный перевод, после чего обратиться к вопросу об их переводе». См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1.Ед. хр. 125. Л. 166, 176об., Оп. 6. Ед. хр. 79. 34-35, Из переписки М.А. Булгакова 1926-1939 годов (Н.Н. Лямин, С.С. Кононович, О.С. Бокшанская, Н.К. Шведе-Радлова) (публикация В.В. Бузник) // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Кн. 3 / отв. ред. Н.А. Грознова, А.И. Павловский. СПб., 1995. С. 223, Д.С. Усов. «Мы сведены почти на нет ... » / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. Т. 1. Стихи. Переводы. Статьи. М., 2011. С. 493-494, а также: Ю. Якименко. Отзыв Р.О. Шор на «Эстетические фрагменты» Г.Г. Шпета: история и судьба текста (по опубликованным и архивным материалам). Примеч. 490, 748, 749.

⁵⁸ См.: В.П. Нерознак. Мысли об энциклопедии «Языки СССР»: проект Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона. С. 81.

А.И. Доронченков, в свою очередь, отмечает, что, «приступив к исследованию, ученые-эмигранты вскоре обнаружили существенные трудности, преодолеть которые вне СССР было почти невозможно. Так, из 28 восточно-кавказских языков 12 были столь слабо изучены, что об их научной характеристике не могло быть и речи. [...] Благородная идея так и не была реализована». Одним из упомянутых слабоизученных языков был ингушский. См. об этом: А.И. Доронченков. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбах России. СПб., 2001. С. 79-80, а также: Х.Я., А.Г. Ингушский

бесписьменных и «изолированных» языков не в качестве случайных второстепенных иллюстраций, а в качестве равноправного, даже более ценного материала, чем узкий круг древне-письменных языков индо-европейских», исследователи которых вслед за Н.Я. Марром неизбежно задаются вопросом:

«Как быть тем племенным образованиям, отнюдь не лишенным серьезных данных для самостоятельной культуры, тем рождающимся у нас новой общественностью нациям, у которых нет в прошлом собственной писанной истории, хотя бы классово-национально сочинявшейся истории, а [есть] лишь так называемая этническая или племенная, предполагаемая «самородно-народная», «простонародная» культура?»⁵⁹

И раскрывала имена авторов некоторых важных высказываний, из которых двое (Г. Габеленц, К. Фосслер) были немецкими лингвистами, один – французским (А. Доза)^{60, 61}.

Несомненно, стоит учитывать и 2) контакты упомянутого М.А. Робинсоном А. Мазона, объявленного «лучшим исследователем тургеневских архивов», с ГАХН и её президентом П.С. Коганом, информация о которых попала на страницы официального гахновского издания. Французский ученый, выступивший в Академии в феврале 1927г., заявил, что

«научные отношения могут быть только мирными, и к этому неуклонно стремятся представители французской науки, пережившие войну и испытавшие тягость духовного одиночества».⁶²

Приезд в СССР А. Мазона не был единственным событием в сфере международного культурного сотрудничества в тот период. В течение 1927-1929гг.

язык // ЛЭ-2 / отв.ред. А.В. Луначарский. Т. IV [Евангелие - Ишки]. М., 1930. Стлб. 498-500, особенно Стлб. 499.

⁵⁹ Р. Шор. Синтетическое направление в новом учении о языке (К сорокалетию научной деятельности акад[емика] Н.Я. Марра). С. 138.

⁶⁰ В статье Р.О. Шор «Основные проблемы яфетической теории» по имени был назван только француз - Dauzat; еще один автор (которому принадлежит цитата о «мастерах, от избытка прилежания никогда не выглядывавших из окошка своей мастерской») благодаря сравнению текстов двух упомянутых статей Розалии Осиповны мог быть определен как Г. Габеленц.

В ориентированной на интересующегося вопросами «литературы, искусства, критики и библиографии» советского читателя статье о «синтетическом направлении в новом учении о языке» к двум процитированным Р.О. Шор авторам добавлялся третий – К. Фосслер, с горечью рассуждавший «о науке, для преуспевания в которой достаточно лишь хорошей дозы усидчивости» В 1920-е гг. он привлекал внимание и некоторых других коллег Розалии Осиповны по ГАХН, в том числе С.Я. Мазе, А.К. Соловьевой и (по сведениям последней) самого Г.Г. Шпета. Б.В. Горнунг в опубликованной уже в наши дни работе того времени указал на ссылки на К. Фосслера, имевшиеся в одной из статей В.М. Жирмунского (также известного своим сотрудничеством с ГАХН). См.: Р. Шор. Синтетическое направление в новом учении о языке (К сорокалетию научной деятельности акад[емика] Н.Я. Марра). С. 139, *Она же*. Новая система теоретической лингвистики. По поводу 2-го выпуска «Эстетических фрагментов» Г. Шпета. Текст статьи [/ публ. Ю. Якименко] // Искусство как язык - языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. II. Публикации. С. 320, А.К. Соловьева. Анализ статьи Stenzel'я «Смысл значение, понятие, определение» // Там же. С. 264. Примеч. 1, Б.В. Горнунг. К вопросу о предмете и задачах поэтики [Текст статьи] // Там же. С. 510. Примеч. 63, а также: Ю. Якименко. Отзыв Р.О. Шор на «Эстетические фрагменты» Г.Г. Шпета: история и судьба текста (по опубликованным и архивным материалам) (§ 2 главы IV), *Она же*. Статья А.К. Соловьевой об экспрессии. Примеч. 346, 347, *Она же*. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН. С. 401 (цитата из письма С.Я. Мазе к Г.Г. Шпету от 25 ноября 1928г.).

⁶¹ См.: Р. Шор. Синтетическое направление в новом учении о языке (К сорокалетию научной деятельности акад[емика] Н.Я. Марра). С. 137. Примеч. 1), С. 137-138, 139. Примеч. 1) – 3).

Более подробно об этом см. § 2 главы IV нашего исследования: Ю. Якименко. Отзыв Р.О. Шор на «Эстетические фрагменты» Г.Г. Шпета: история и судьба текста (по опубликованным и архивным материалам).

⁶² 25 февраля 1927г. А. Мазон выступил на совместном заседании пленума ЛС ГАХН и ОЛРС с докладом «И.С. Тургенев за работой». См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 50, Литературная секция // Бюллетень Г.А.Х.Н. М., 1927-1928. № 8-9. С. 24-25, особенно С. 24.

страну посещает еще несколько видных деятелей французской культуры, в их числе Ж. Дюамель, Л. Дюртен, Л. Муссиак и Ш. Вильдрак.⁶³ По данным Т.В. Балашовой, обнаружившей «поразительно стойкий, неутоляемый интерес интеллигенции разных стран к работам своих советских коллег» в самых разных областях, порой кажется, что он «был односторонним - настолько много приглашений» приходило из-за границы на различные конференции, симпозиумы и т.д., и

«н настолько медленно, с опозданием отвечали (а иногда совсем не отвечали) на эти просьбы-приглашения советские учреждения».

Фиксируя «весьма ошутимое противоречие» между личными намерениями деятелей культуры и науки «по обе стороны» возникающего постепенно «железного занавеса» и намерениями официальных организаций, она иллюстрирует его с помощью потерпевшего неудачу проекта, предлагавшегося Москве Л. Муссиаком и его издателем А. Леви, - советского раздела книги, посвященной «оригинальным театральным постановкам за последнее десятилетие во всем мире», - “*Théâtre nouveau*”.⁶⁴ Тем не менее самому Л. Муссиаку (которого в Академии знали благодаря предпринятой ее *Кинокабинетом* попытке перевода и издания его книги “*La naissance du cinéma*”⁶⁵) в 1927г. удается выступить в ГАХН - с докладом «Особенности киноязыка и положение кинематографии в капиталистических странах».⁶⁶

⁶³ См. об этом: *М.А. Ариас-Вихиль*. «С золотыми глазами козы ...»: муза Р. Роллана М.П. Кудашева и ее письма в Архиве А.М. Горького // Литература и идеология. Век двадцатый / редколл. О.Ю. Панова, В.М. Толмачев. (Литература. Век двадцатый. Вып. 3. Памяти Л.Г. Андреева). М., 2016. С. 96, *В. Купченко*. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917-1932. СПб. – Симферополь, 2007. С. 339, Из переписки писателей. Письма Жоржа Дюамеля президенту Государственной Академии Художественных Наук СССР П.С. Когану [/ пер. Т.В. Балашовой] // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920-1970 / отв. ред. Т.В. Балашова. М., 2002. С. 181-183, особенно С. 183. Примеч. 1 (письмо Ж. Дюамеля к П.С. Когану от 21 декабря 1926г. и комментариев к нему), а также: Литературная секция // Бюллетень Г.А.Х.Н. М., 1927-1928. № 8-9. С. 25, Кино-кабинет // Там же. № 10. С. 61, *Б.н.* Жорж Дюамель в Г.А.Х.Н. // Там же. С. 70, *Б. Г[орну]нг*. Вильдрак Шарль [Charles Vildrac, 1882-] // ЛЭ-2 / отв. ред. В.М. Фриче. Т. II. [Былины – Грибоедов.] М., 1929. Стлб. 232, *Б.н.* Вильдрак, Шарль // БСЭ. Изд. 2-е / гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 8. Вибрафон – Волово. М., 1951. С. 68.

⁶⁴ Андре Мальро и его контакты с культурой Страны Советов. Подготовка текста, перевод и комментарии Т.В. Балашовой // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941. Исследования и архивные материалы / отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2015. С. 222-233, особенно С. 223, 224, 227, 229, 230.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 8. Ед. хр. 7. Л. 17-18, 130-131, 144, а также: *В.Н.* [Вл. Недоброво?] [Рец. на:] Муссиак Л. Рождение кино / пер. и предисл. С. Мокульского. Л., 1926 // ЖИ-2. 1926. № 52 (1131). 28 декабря. С. 12-13, *Ипп. Соколов*. [Рец. на:] Муссиак Л. Рождение кино. Кинокомитет Гос[ударственного] Инст[итута] Истории Искусств и кинокабинета Гос[ударственной] Академии Худ[ожественных] Наук / пер. С. Мокульского и Т. Сорокина, с предисл. С. Мокульского. [Б.м., б.г.] // Кинофронт. 1927. № 1. 15 января. С. 31-32.

⁶⁶ Бюллетень Г.А.Х.Н. М., 1927-1928. № 10. С. 61.

Полагаем, что исследовательница ошиблась, отождествив именуемого «[Господином] Президентом», «Директором» или просто «Господином» адресата писем Л. Муссиака и А. Леви с одним из оставшихся неназванным «деятелей Международного бюро революционной литературы, по инициативе которого была созвана открывшаяся 15 ноября 1927г. в Москве Первая Международная конференция пролетарских и революционных писателей». По нашему мнению, речь идет о бессменном президенте ГАХН П.С. Когане, с которым французский писатель мог познакомиться на Международной выставке декоративных искусств и художественной промышленности в Париже в 1925г. (Петр Семенович являлся комиссаром Отдела СССР на ней и неоднократно выступал публично по связанным с нею вопросам). В пользу чего свидетельствует как подпись Л. Муссиака в письме от 21 марта 1927г. (где он представляется главой театральной секции жюри этой выставки), так и ссылка на поэта и литературного критика Ал. Гатова, много сделавшего для знакомства советского читателя с культурой Франции: последний был, например, автором статьи о французском искусстве, опубликованной в «Огоньке» в период проведения в Москве выставки современного французского искусства (П.С. Коган был автором статьи о «двух культурах» для каталога

И именно французская литература (в том числе и мемуарного характера) в 1928г. служит сотрудничавшим с Академией деятелям науки и культуры материалом для дискуссии о богеме и о том, существует ли это явление «у нас». Визит в СССР (по разным данным) в мае - июне 1929-го видного деятеля фашистского профсоюза во Флоренции и будущего автора неоконченного «московского» романа “Il ballo al Kremlin” («Бал в Кремле», 1971) К. Малапарте, встречавшегося с А.В. Луначарским и некоторое время имевшего возможность вблизи наблюдать жизнь ее представителей⁶⁷, находится явно за ее пределами. К тому же, согласно официальной информации, его интересуют в то время другие вопросы.⁶⁸ А выход (на французском языке) «одного из политологических шедевров века» (© М.П. Одесский) - политологического трактата «Техника государственного переворота», опубликованного К. Малапарте «по собранным в СССР в 1929 году материалам», - относится к 1931г.⁶⁹

Между тем утвержденный членом-корреспондентом ГАХН⁷⁰ юрист и социальный психолог М.А. Рейснер, в 1925г. выпустивший книгу «Проблемы социальной психологии» и последующие годы занимавшийся «изучением социально-психол[огических] проблем и разработкой соответствующих методов»⁷¹, незадолго до смерти⁷² опубликовал статью, пестрящую именами французских авторов, начиная от автора «Сцен из жизни богемы» А. Мюрже и кончая романтиками «Латинского квартала». Поскольку впервые «серьезное внимание» на проблему богемы было обращено именно «во Франции, в начале XIX века».

Кратко осветив историю вопроса, исследователь перешел затем к анализу внутренней ситуации в СССР. Еще в начале своей статьи констатировал:

последней). См.: Андре Мальро и его контакты с культурой Страны Советов. С. 226-228, *Ал. Гатов*. Художественный Париж сегодня. К выставке современного французского искусства в Москве // Огонек. 1928. № 41 (289). 7 октября. С. 15, Из доклада П.С. Когана на заседании Выставочного комитета при Российской Академии Художественных Наук по организации советского павильона на Международной выставке в Париже 25 марта 1925г. // Из истории советской архитектуры 1917-1925гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 191, Новое в настроениях эмигрантской молодежи [Беседа с П.С. Коганом] // КП. 1925. 21 июня. № 23, *П.С. Коган*. Две культуры // Каталог выставки современного французского искусства. М., 1928. С. 7-10.

⁶⁷ *С. Гардзонио*. Курцио Малапарте: жизнеописание как легенда // *К. Малапарте*. Бал в Кремле. Москва, 1929 год. Советская аристократия глазами итальянского писателя [Незаконченный роман] / пер. с итал. А. Ямпольской. [Науч. ред. М.П. Одесского, вступ. ст. М.П. Одесского, Н.А. Громовой и С. Гардзонио, коммент. М.П. Одесского и Н.А. Громовой]. М., 2019. С. 10, 14, 19, *Он же*. «Бал в Кремле»: к истории текста и контекста // Там же. С. 23-28, особенно С. 26-27, *М. Одесский*. Советский роман Малапарте // Там же. С. 29-58, особенно С. 29-32, 39.

⁶⁸ Например, М.П. Одесский, ссылаясь на заметку в *ВМ*, сообщает об обсуждении итальянским гостем и советским наркомом системы народного образования в СССР. А со ссылкой на поздние тексты самого писателя - и о его состоявшейся в 1929г. беседе с И.В. Сталиным, в которой затрагивались вопросы о положении рабочих завода «Фиат», условий их труда, культурной работы и т.п. (издание, с которым с начала 1929г. сотрудничал К. Малапарте, принадлежало основателю «Фиата» Дж. Аньелли, а представитель «Фиата» в СССР, итальянский инженер Т. Пиччин, по сведениям С. Гардзонио, был другом будущего автора «Мастера и Маргариты»). См.: Там же. С. 32, 40, *С. Гардзонио*. Курцио Малапарте: жизнеописание как легенда. С. 14, *Он же*. «Бал в Кремле»: к истории текста и контекста. С. 26-27.

⁶⁹ *М. Одесский*. Советский роман Малапарте. С. 36-39.

⁷⁰ См.: Распоряжение по Наркомпросу № 42 // Бюллетень Г.А.Х.Н. М., 1927. № 6-7. С. 85 (№ 77).

⁷¹ См.: *В.Л. Телицын*. Рейснер Михаил Андреевич // *Московская энциклопедия* / гл. ред. С.О. Шмидт. Т. I. Лица Москвы. Кн. 3. М.- Р. М., 2010. С. 613-614, особенно С. 614.

⁷² Скончался 8 августа 1928г. Редакция соответствующего номера ПиР была закончена 25 июня 1928г. См.: *В. Клушин*. Рейснер, Михаил Андреевич // *Философская энциклопедия* / гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 4. «Наука логики» - Сигети. М., 1967. С. 485-486, особенно С. 485, ПиР. 1928. Кн. 5. Июнь - июль. Об. тит. л.

«Вопрос о культурной революции очень остро поставил и проблему об интеллигенции в условиях советского быта. В частности – об экономическом положении, отборе и использовании ее наиболее одаренных и подготовленных представителей».

И ограничив ее обсуждение значением «в наших условиях» «так называемой богемы», которую позднее вслед за ним В.М. Фриче охарактеризует как

«лит[ературн]ую цыганщину в смысле социальной деклассированности и материальной необеспеченности»⁷³.

По мнению М.А. Рейснера,

«её экономика в значительной мере – *нищенство и паразитизм*, хотя и в более благородных, прикрытых романтикой формах. [...] Конечно, это – одна иллюзия. Все подобные группы необходимо стоят своими корнями в *люмпен-пролетариате*, а его классовая психика нам хорошо известна. Босячество принадлежит к *паразитам и захребетникам*. В своей основе оно так же мало верит в спасительную силу труда, как любой туняецд наверху, покупающий свою свободу не отказом от потребностей, а, наоборот, безграничным их удовлетворением на вершинах капиталистического общества. Классовая диалектика здесь дает смыкающийся круг. Какой-нибудь мультимиллиардер, освобожденный своими богатствами от необходимости труда, может смело подать руку бродяге, сократившему свои потребности до последнего и купившему этой ценой свободу от работы. И характерно, что к случайной своей добыче босяк относится так же, как миллионер, мотающий свои бесконечные богатства: хоть на несколько часов он становится подобным «миллионеру», недостающее дополняет фантазией и, во всяком случае, наслаждается своим временным богатством не хуже Ротшильда. [...]

Люмпен-пролетариат приобретает несколько иное лицо только в эпохи мятежей, смут, войн и революционных восстаний. Для этих людей безразлично, как и почему происходит то или иное общественное потрясение. Но для них важно, что в это время ослабевают цепкие и жадные руки, держащие собственность, и все то, что было скрыто от завистливых глаз за крепким запором и толстой стеной, становится доступным любому претенденту. Как на войне в промежуток между очищением города от одних войск и вступлением противника нет ничего опаснее босяцкой и в то же время погромной массы, так и во время революций именно они первые ловят рыбу в кровавой воде, грабят и насилюют, а главное истребляют все то, что еще вчера служило предметом напряженной зависти: если не нам, то пусть не достается никому. Во время революции часто из босяцкой среды выходят смелые авантюристы, удачливые вожди-партизаны и ловкие производители индивидуальных экспроприаций – эксов, по старому названию. Но в то же время эти люди всегда стоят *на рубеже между революцией и разбоем*, бандитским анархизмом и партизанским налетом. В городах в революционную эпоху иногда такие люмпен-пролетарские массы решают участь отдельных боев, и нередки случаи их присоединения к торжествующей революции».

Выделяя в современной ему ситуации «отдельные два отряда» «интеллигентской цыганщины» - «*богему студенчества*» и «целые *группы беспризорных и бесприютных интеллигентов*, поэтов, журналистов, писателей, актеров, драматургов, музыкантов, художников, скульпторов, безработных служащих всевозможных разрядов, безработных педагогов, врачей, инженеров и ученых, которые не только представляют печальное зрелище на бирже труда, но, благодаря особенности своего положения, легко входят в состав какого-то межуточного, колеблющегося, полубродячего народа, занимающего совершенно естественно место между советской организацией и уцелевшими центрами притяжения со стороны нэпа и кулачества», - М.А. Рейснер предполагает изживание богемы благодаря «нашей художественной, научной и профсоюзной политике».⁷⁴

⁷³ См.: В. Фриче. Богема // ЛЭ-2 / отв.ред. В.М. Фриче. Т. I [Абай - Бусхак]. М., 1930. Стлб. 532-535, особенно Стлб. 532.

⁷⁴ Цит. по: М.А. Рейснер. Богема и культурная революция // ПиР. 1928. Кн. 5. Июль – август. С. 81-96, особенно С. 81-83, 91, 94, 96.

В свою очередь, молодой специалист по французской литературе, всего за четыре года до того окончивший Московский университет⁷⁵ и в будущем рассматривавшийся в качестве кандидата в научные сотрудники ГАХН по ЛС (1930), Ю.И. Данилин, в том же 1928-м рецензирует изданную ленинградским издательством «Прибой» в русском переводе книгу Ф. Карко (1886-1958) «От Монмартра до Латинского квартала. Воспоминания» (Л., 1927). В которой речь идет «о французской литературно-художественной богеме в период, примерно, 1906-1914гг.» и с помощью которой рецензент рассчитывает

«снова поставить острый для нашей литературной современности вопрос о том, что же такое богема?».⁷⁶

В этом осмыслении проблемы советских интеллектуалов почти на десятилетие опередили их итальянские коллеги: так, Е. Тараканова приводит датированное 1920-м годом высказывание Дж. Преццолини, отмечавшего, что тогдашние итальянские интеллектуалы

«избрали своим образом жизни паразитизм. Они считают себя райскими птичками, рожденными для золотых клеток, где их обязаны угощать хлебным мякишем и просом; они исповедуют крайнее презрение ко всему, отдаленно напоминающему производительный труд, и удивительную нежность к самим себе. Ласкать себя – их единственное занятие в жизни. При этом они, как и требуют романтические представления о творчестве, терпеливо ждут, когда на них, как на пифий, снизойдет вдохновение. Все это – дурно пахнущие симптомы внутреннего загнивания».⁷⁷

В 1928г. со страниц долгое время запрещенного советской цензурой романа (название коего автор данного исследования, увы, запомнил) некий поклонник «солнца русской поэзии» и любитель порассуждать о душе, которая, «устыдясь обветшалости, спешит обернуться птичкой», грозно предупреждал своих читателей: «Птичка божия узнает ... ».

Весной 1929-го в Москве, по сведениям Л.А. Аренс (Ленинград), травят А.Г. Габричевского, А.А. Сидорова и А.С. Стрелкова - как «бывших», остатки «золотой молодежи», пьяниц и развратников, разлагающих ГАХН. Судя по ее письму в Коктебель, «сюда же и Макса [М.А. Волошина] приплетали, как человека, дававшего им приют».⁷⁸

По поводу случившегося А.Г. Габричевский сообщал в Коктебель:

«Газеты начали травлю Академии и отдельных ее членов, началась ревизия с точки зрения «идеологии» и т.д. Все это создало очень суетную и неприятную атмосферу, которая совсем выбивает из колеи. Кроме того, у нас в доме скарлатина, которая свирепствует в Москве. При страшной тесноте

⁷⁵ См.: С.И. Великовский. Данилин, Юрий Иванович // КЛЭ. Т. 2. Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани. М., 1964. Стлб. 511, М.С. Зайцев. Данилин Юрий Иванович // Московская энциклопедия. Т. I. Лица Москвы. Кн. 6. А-Я. Дополнения. М., 2014. С. 268.

⁷⁶ См.: Ю. Данилин. Богема // На литературном посту. 1928. № 1. Январь. С. 50-57, особенно С. 50. В ГАХН он выступал с докладом «Литературная богема эпохи [французского] романтизма» (3 апреля 1929г., группа по изучению новой западной литературы ЛС и Кабинет революционного искусства Запада Социологического разряда). См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 197об., 199.

⁷⁷ Цит. по: Е. Тараканова. «Героические годы». Хроника культурной жизни и опыт анализа художественных теорий Италии: 1918-1922 // Искусствознание. М., 2008. № 4. С. 9.

Е. Тараканова называет цитируемого критика Э. Преццолини и цитирует его по книге А. Грамши. Это, вероятно, ошибка: в СССР в 1920-е гг. знали Джузеппе Преццолини и его книгу «Культура Италии» (1923), а позднее справочные издания отмечали именно его недолгое сотрудничество с А. Грамши и критику последним Дж. Преццолини за его отказ «от борьбы с фашизмом». См.: Там же. С. 9, 24. Примеч. 14, С. 26. Примеч. 48, Б. Перцов. Маринетти – фашист и футурист // ПиР. 1927. № 8. Август. С. 214-225, особенно С. 224-225, Г.Д. Богемский. Преццолини (Prezzolini), Джузеппе // КЛЭ. Т. 5. Мурари – припев. М., 1968. Стлб. 970.

⁷⁸ См.: В. Купченко. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917-1932. С. 423 (под датой: «17 апреля, ср.»).

очень страшно за других, особенно за Наташу⁷⁹, у которой ее не было. [...] Сейчас, благодаря скарлатине, почти никого не видим, кроме Валентины⁸⁰, которая уже отделалась, и Сёмочки⁸¹, который совсем скис от переутомления и от бесконечного количества житейских неприятностей».⁸²

Мы, однако, оставим гахновцев в 1929-м году и снова вернемся в 1924-1925гг., чтобы напомнить, что на период академической реформы также приходится, по свидетельству А.А. Сидорова, 4) два «больших и очень ответственных» предприятия «общегосударственного масштаба»:

«на ГАХН была возложена организация русского отдела международной выставки искусств в Венеции летом и осенью 1924г. и организация отдела СССР на международной выставке декоративных искусств в Париже летом 1925 года. Два экзамена как советскому художественному творчеству, так и нашей организационной воле. Наше искусство встало во весь рост в очень явном и интересном противоположении западу. И как бы для того, чтобы в РСФСР можно было наше организационное творчество в области живого искусства особо ярко сопоставить с тем, что может дать здесь Европа, упавшая на зимние месяцы отчетного периода германская выставка в Москве, Саратове и Ленинграде позволила нам сверить свои достижения по существу с последним словом запада – Роль ГАХН в одной даже отрасли изобразительных искусств не ограничилась упоминаемую организацию⁸³ двух крупных разделов международных выставок. [...] Небольшой отдел русской карикатуры⁸⁴ и рисунка на выставке L' Agraïnée в Париже (апрель – май 1925г.) также позволил бы расширить Академический актив. Вместе с тем, однако, уже одного сопоставления – хотя бы принципиального – того, что и как показали Европе СССР⁸⁵ на XIV международной выставке в Венеции с тем, что показала Союзу Советских Республик⁸⁶ Германия на своей выставке данной зимы, уже достаточно интересно для особого рассмотрения, ныне отдаленного достаточным временем от непосредственных событий этих, чтобы быть вполне объективным»,

- полагал ученый секретарь ГАХН.⁸⁷ Внешнеполитические ориентиры СССР того периода (Франция, Италия, Германия) показаны им достаточно ярко. Проанализировав увиденное на Первой Всеобщей германской выставке, А.А. Сидоров предположил, что

«неожиданно, но вовсе не столь парадоксально было бы утверждение, что Германия наших дней переживает тот стилистический этап, который переживался наиболее передовою страной запада, Францией, в середине XIX века. Это было еще с тридцатых годов, время классического расцвета сатирической литографии; и мы должны были признать, что одним из руководящих образцов для современных немецких рисовальщиков явился бы Оноре Домье».

И, вспомнив одно из выступлений с негативной оценкой «современного строительства Германии» «на приветственном вечере», посвященном этой выставке «Государственной Академией Художественных Наук», задался вопросом:

«... «дух разрушающий есть дух созидующий»: не эту ли старую формулу дадим мы Германии в качестве подарка от СССР?».⁸⁸

Участие ГАХН в «культурной дипломатии» способствует привлечению к ее работам сотрудников дипломатического ведомства и разведки, работавших в те годы и

⁷⁹ Н.А. Северцова.

⁸⁰ В.П. Остроумова.

⁸¹ Прозвище А.С. Стрелкова. О нем см.: Стрелков Алексей Семенович // Люди и судьбы. Биобиблиограф. словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991) / Изд.подгот. Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 361-362.

⁸² Цит. по: Переписка А.Г. Габричевского с М.А. Волошиным (1924-1932) // Александр Георгиевич Габричевский: биография и культура. Документы, письма, воспоминания. В 2-х кн. [/ сост. О.С. Северцева.] М., 2011. С. 181 (письмо А.Г. Габричевского к М.А. Волошину за конец апреля – начало мая 1929г.).

⁸³ Так в тексте.

⁸⁴ В тексте с тремя «р» - «каррикутуры».

⁸⁵ Так в тексте.

⁸⁶ Так в тексте.

⁸⁷ Цит. по: А.А. Сидоров. Изобразительные Искусства 1924-24г.: СССР и Германия. С. 20-21.

⁸⁸ Там же. С. 27, 29.

«под прикрытием торгпредства». О роли последнего в связи с Международной выставкой декоративных искусств и художественной промышленности в Париже 1925г. кратко сообщил в известной статье об этой выставке В.Э. Мориц, подчеркнувший независимость торгсектора от Выставочного Комитета Отдела СССР.⁸⁹

Известны и имена некоторых лиц, отметившихся сотрудничеством с Академией, но в то же время не связанных с упомянутыми А.А. Сидоровым выставками, – в частности, репрессированных впоследствии востоковедов Р.Н. Кима и Н.М. Попова-Тативы.⁹⁰ Определенные подозрения существуют и в отношении самого А.А. Сидорова: как сообщает Е.Г. Милюгина, основываясь на неназванных «косвенных» свидетельствах,

«с нач[ала] Втор[ой] мир[овой] войны сов[етские] спецслужбы предполагали внедрить С[идорова] как изв[естного] специалиста, связан[ного] с Германией, в нацист[ское] пр[авительств]о в случае сдачи М[осквы] осенью 1941».⁹¹

Как бы то ни было, но впоследствии латышского посланника К. Озолса (воспоминания которого о дипломатическом корпусе в Москве неоднократно цитировались комментаторами «Бала в Кремле») не мог не интересоваться вопросом о том, насколько осведомлен - в отсутствие в стране его начальника, Г.В. Чичерина, - М.М. Литвинов в делах своего ведомства: «как ни толкуй, выгораживая» его,

«бесспорно одно: возглавлять громадное учреждение НКВД, где чуть ли не все высшие должностные лица оказываются шпионами, чести Литвинову не делает. Если знал, что его ведомство переполнено предателями, как же он их терпел? Если не знал, значит, слепец и не имеет права оставаться на столь ответственном посту руководителем иностранной политики. Одно из двух. Середины нет».⁹²

Что касается собственно дипломатических работников, то в период реформирования ГАХН с предложениями по превращению *подсекции художественного перевода ЛС* в «высший очаг учения о переводе» в письме на имя председателя подсекции Б.И. Ярхо обращается приглашенный туда для доклада сотрудник секретариата Коллегии Наркоминдела Е.М. Рыт. По его мнению,

«Секция перевода Ак[адемии] Худ[ожественных] Наук сложилась несколько случайно: группа лиц, близко знакомых между собой, отчасти благодаря общей специальности (стихотворный перевод), отчасти благодаря общности вскормивших их учебных заведений (Московский университет) и организовала эту Секцию. В таком виде она обречена на совершенно незаметную роль в деле создания подлинно научной школы пер[евод]ческого мастерства во всех его многообразных ветвях - от перевод[а] иностранной телеграммы «РОСТА» о «национальном конгрессе конфедерации труда» (непонятная тарабарщина) до перевода спящей на «вершине» литературной лестницы трагедии Сенеки».

Он полагает, что

«1) Секция перевода Ак[адемии] Худ[ожественных] Наук должна расширить свою основу, объединив⁹³ всех работников – практиков и теоретиков – переводного дела из самых различных областей.

2) организационно это должно⁹⁴ будет выразиться в приглашении принять участие в работах Секции, обращенном, примерно, к следующим переводящим учреждениям:

⁸⁹ См.: В. Мориц. Советский Отдел Международной Выставки Декоративных Искусств в Париже 1925. С. 10-11, 16, особенно С. 11.

⁹⁰ См.: В.И. Абрамова. Ким, Роман Николаевич // КЛЭ. Т. 3. Иаков-Ласкнесс. М., 1966. Стлб. 513, Ким Роман Николаевич // Люди и судьбы. Биобиблиограф. словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). С. 200-201, Попов-Татива (псевд.: М.) Николай Михайлович // Там же. С. 312-313, а также: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 286, 496.

⁹¹ Е.Г. Милюгина. Сидоров Алексей Алексеевич // Московская энциклопедия. Т. I. Лица Москвы. Кн. 4. Р-Т. М., 2012. С. 263.

⁹² К. Малапарте. Бал в Кремле. Москва, 1929 год. Советская аристократия глазами итальянского писателя [Незаконченный роман]. С. 309.

⁹³ Исправлено со слова «объединить».

⁹⁴ Исправлено со слов «эта мера должна».

- а) Институт Карла Маркса и Ф. Энгельса.
- б) Госиздат (особенно «всемирная литература»).
- в) Комминтерны⁹⁵.
- г) Профинтерн.
- д) РОСТА.

Кроме того, Секция должна выпустить обращение ко всем вообще переводчикам – поэтам, экономистам, естественникам и т.д.»⁹⁶

Неизвестно, состоялась ли просимая им личная встреча с Б.И. Ярхо, в ходе которой он рассчитывал обсудить затронутые в его письме вопросы. Однако его сотрудничество с гахновскими переводчиками в итоге не сводится к одному единственному докладу.⁹⁷

Наконец, весной того же 1925-го реформированию подвергается *СПИ*, и эта реформа представляет собой часть общей реформы академической структуры и преследует цель

«сблизить секцию по общему характеру расположения и методологического освещения ее материала с другими учёными группами Академии».

Означенной реформой *СПИ* обязана временному своему президиуму, образованному в связи с отъездом за границу «ответственных руководителей Секции в лице заведующего Б.Р. Виппера, председателя архитектурной группы Э.И. Норверта», а также длящейся командировкой ученого секретаря СПИ Б.Н. Терновца, и руководимому

«взявшим⁹⁸ на себя обязанности заведующего секцией ученым секретарем ГАХН А.А. Сидоровым»⁹⁹.

В конце того же года в структуре ГАХН взамен существовавших ранее подсекций, а затем *Комиссии декоративных искусств СПИ* появляется и самостоятельная *Секция декоративных искусств*.¹⁰⁰

Структура ГАХН претерпевает некоторые изменения и в дальнейшем; эту возможность оставляет ей постановление Правления от 19 сентября 1924г. К этой дате как раз и разрабатывается новая научная структура Академии; с докладом о ней выступает А.А. Сидоров. Возникшая затем дискуссия обнаруживает «расхождение мнений оппонентов, основанное на склонности интересов одних в сторону секций и других - отделений» и выясняет необходимость урегулирования «взаимоотношений отделений и секций».

Собравшиеся постановляют

«Общий план научной структуры, предложенной А.А. Сидоровым, принять, допуская возможность его дальнейшей переработки и конкретизации. Признать правильным объединение работ секций в отделениях (собрания представителей секций под председательством заведующего тем или иным отделением) и дальнейшее объединение работы трех отделений в особых совещаниях отделений под председательством президента или вице-президента. Вопрос о принадлежности членов Академии к тому или иному отделению отложить».¹⁰¹

⁹⁵ Так в тексте.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 26. Л. 33-34.

⁹⁷ См.: Литературная секция // Бюллетень Г.А.Х.Н. М., 1927-1928. № 8-9. С. 31, Литературная секция // Там же. № 10. С. 23.

⁹⁸ В тексте – явная опечатка: «взявшими».

⁹⁹ См.: ГАХН. Отчет 1921-1925. М., 1926. С. 50-51.

¹⁰⁰ См.: Секция декоративных искусств // Бюллетени Г.А.Х.Н. М., МСМХХVI [1926.] № 4-5. С. 65.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 11об.-12, 87-87об.

Летом 1926г. СНК РСФСР принимает (по докладу Наркомпроса о просветительной работе среди национальных меньшинств в РСФСР) постановление, выписка из которого сохранилась в материалах ГАХН. Этим документом предписывалось

«3. Обратить особое внимание на подготовку научных работников из среды национальных меньшинств, путем прикомандирования их к научно-исследовательским институтам и высшим учебным заведениям, в качестве научных сотрудников и аспирантов, и включить в планы соответствующих научных, художественных и музейных учреждений, а также высших учебных заведений, обслуживание национальных меньшинств».

Затребовавший от Академии разъяснения по вопросу «о работе, которая ведется и предполагается в ГАХН для нацменьшинств в 1926/[19]27 бюджетном году» Художественный отдел Главнауки ответ подведомственного учреждения не удовлетворил: он был сочтен «слишком формальным, не отвечающим по существу постановления Совнаркома».¹⁰²

Поэтому уже 17 августа Президиум Академии в составе П.С. Когана, Г.Г. Шпета, Б.Н. Терновца и Б.В. Шапошникова принимает решение

«4. Сообщить в Художественный Отдел Главнауки о наличии в составе ГАХН Отдела по изучению искусства национальностей и возбудить ходатайство об открытии при ГАХН аспирантур для представителей нацменьшинств».¹⁰³

Отчеты ОИИНа, первоначально образованного, по-видимому, «в недрах социологического отделения» и лишь осенью 1926-го выделенного «в самостоятельную ячейку»¹⁰⁴, появляются на страницах официального гахновского издания с 1927г.¹⁰⁵ Уже в первом из них отмечалось, что на момент его публикации удалось создать лишь его руководящий орган – Президиум – в составе В.Л. Львова-Рогачевского (председатель), Я.А. Тугендхольда (ученый секретарь и председатель отдела ИЗО), Б.С. Чернышева (его помощник) и Б.М. Соколова (председатель отделов ЛИТО и ТЕО).

«В состав расширенного¹⁰⁶ Президиума вошли представители от Центрального Музея Народоведения, от Исторического Музея, от Ассоциации Востоковедения, Средне-Азиатского Комитета и Комитета Института Восточных народов».

В остальном же,

«к сожалению, структура Отдела до сих пор еще не откристаллизовалась. Недостаток средств Академии не позволил Отделу развернуть свои подотделы и комиссии».¹⁰⁷

Всем этим мероприятиям предшествует гибель С. Есенина, известие о которой в ГАХН получают в «первый день на службе после праздника» - не отмечавшегося официально как праздник Рождества (Л.В. Горнунг называет его «советским Рождеством»). По сведениям цитируемого источника, 28 декабря 1925г.

«часов в 7 Коган вызвал Эйхенгольца и сообщил ему трагическую новость: повесился Есенин в ленинградской гостинице. Говорят также, что осталось стихотворенье, написанное кровью, и изорванная фотография сына».

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 118, 151, 152.

¹⁰³ Там же. Л. 114, 114об.

¹⁰⁴ Торжественное открытие ОИИНа состоялось 20 октября. С речами на нем выступили президент Академии П.С. Коган, нарком просвещения А.В. Луначарский, заведующий Главнаукой Ф.Н. Петров и профессор Б.М. Соколов. См.: Отдел по Изучению Искусства Народов С.С.С.Р. // Бюллетени Г.А.Х.Н. М., 1927. № 6-7. С. 17.

¹⁰⁵ См.: Там же. С. 17-19, Отдел по изучению искусства национальностей СССР // Бюллетень Г.А.Х.Н. 1927-1928. № 8-9. С. 58-60, Отдел по изучению искусства народов и комитет по организации юбилейной выставки искусства народов СССР // Там же. 1927-1928. № 10. С. 48-53, Отдел изучения искусства народов СССР // Там же. 1928. № 11. С. 65-67.

¹⁰⁶ Так в тексте.

¹⁰⁷ См.: Отдел по Изучению Искусства Народов С.С.С.Р. С. 17-18.

В это известие очень трудно поверить, и молодой сотрудник Академии «с утра» 29 декабря покупает газеты, чтобы

«убедиться в случившемся. А до того, пока не видел глазами, было чувство, что это ошибка, что по телефону из Ленинграда перепутали, что, м[ожет] б[ыть], ничего нет.

Увы, все подтвердилось. И фамилия, такая знакомая, неуклюже зияла из черной рамки».

А 30 декабря автор процитированной записи с братом идет проститься с покойным:

«Белые большие буквы на черной полосе, натянутой на чугунную решетку, гласили: «Тело великого национального поэта Сергея Есенина покоится здесь».

Он лежит с закрытыми глазами, и его курчавые льняные волосы гладко причесаны, изменяя прежнее лицо. На правом глазу какой-то шрам, м[ожет] б[ыть], от вскрытия.

Распорядитель Соболев, прошлогодний самоубийца, и А. Эфрос¹⁰⁸. Почетный караул сменялся у гроба. [...] Было невыносимо в этой тишине. Неподвижно и молча стояли по стенам зашедшие проститься и ждавшие гражданской панихиды. В дверях милиция. Многие сидели на белой мраморной лестнице, чего-то ждали, и, главное, словно делая какую-то последнюю работу, молчали, молчали, молчали. Призрак смерти, ужасной смерти ошутительно и трудно застыл с распростертыми крыльями, как низко ползущая, полная дождя туча.

Ведь менее всего можно было представить Есенина мертвым. [...]

А завтра Новый год и гроб на новой грани времени. [...]

На улице тает, оттепель, и фонари отражаются в лужах».

«За четыре дня до смерти», «24-го еще в Москве», поэта видел Е.Л. Ланн, по свидетельству которого «он был страшен. Последнее время ему было очень тяжело, он все время пил. [...]».

Это была не единственная потеря того времени: например, А.И. Ромм,

«читая в «Вечерней Москве» об Есенине, обнаружил сообщение о смерти П.Г. Виноградова, арсеневого дяди Поля».¹⁰⁹

Первые дни наступившего года проходят в вечерах памяти поэта (в дневнике одного только Л.В. Горнунга упоминается несколько мероприятий такого рода, причем среди них были и такие, на которые «билетов не продавалось вообще», а настроенные «очень бурно» граждане осаждали счастливых обладателей билетов или требовали «пропуска без билетов»).¹¹⁰ В июне 1926-го застрелился А. Соболев, это была вторая - завершившаяся успехом - попытка его самоубийства.¹¹¹ Осенью 1926 - зимой 1927г. РАПП (а вслед за ней и партийная печать, и идеологические учреждения правящей

¹⁰⁸ Который уже на следующий день «давал знак двигаться» похоронной процессии, шествовавшей по Тверскому бульвару. См.: Л.В. Горнунг. Дневник ... 1925 // *Он же*. «Свидетель терпеливый ... ». Дневники, мемуары. С. 194-195 (запись за 31 декабря 1925г.), особенно С. 194.

Личное знакомство автора дневника с Абрамом Марковичем (сочтенное им «ценным») состоялось не позднее 11 февраля 1927г. См.: Там же. С. 236.

¹⁰⁹ Там же. С. 191-194 (записи за 25, 28-30 декабря 1925г.), « ... Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы / сост. Д.А. Беляев, Г.П. Мельник, авт. предисл. В.С. Баевский. М., 2007. С. 86-87.

И в новом году, и позже некоторые современники обращали внимание на то, какую роль в судьбе поэта сыграл его собрат по цеху (и одна из будущих жертв 1937г.) Н. Клюев. См. например: Г. Бениславская. Из воспоминаний о Есенине [1926] // Сергей Есенин глазами современников [вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой]. СПб., 2006. С. 199-201, *Ив. Грузинов*. С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве [«1926, июнь»] // Там же. С. 310-311, А. Миклашевская. Встречи с поэтом. Из воспоминаний [1960] // Там же. С. 237, Г.А. Воронская. Воспоминания о 20-х годах XX века ... Улеглась моя былая рана [1951-1953г.] // От свитка до Интернета: библиотека, образование, чтение. Научно-методический альманах. 2011. № 2 / гл. ред. Л.В. Дудова. М., 2011. С. 135.

¹¹⁰ Л.В. Горнунг. Дневник ... 1926 // *Он же*. «Свидетель терпеливый ... ». Дневники, мемуары. С. 197-200, 202 (записи за 3, 4 и 15 января 1926г.), особенно С. 198.

¹¹¹ Л.В. Горнунг. Дневник ... 1925. С. 194. Примеч. 1, С. 228 (запись за 8 июня 1926г. и комментарий к записи за 30 декабря 1925г.).

партии¹¹²) развязывает кампанию против так называемого упадочничества, одной из разновидностей которого объявляется «есенинщина».¹¹³ Сначала под нею подразумеваются эпигоны поэта, продолжатели его богемных настроений, но вскоре и в самом С. Есенине рапповские критики начинают видеть прежде всего автора «Москвы кабацкой». Началом упомянутой кампании считаются «Злые заметки» Н.И. Бухарина¹¹⁴, обвинившего поэта и его последователей в «юродствующем народном национализме», «упадочничестве» и прочих грехах.¹¹⁵

В связи с постановлением советского правительства о борьбе с хулиганством¹¹⁶ и шумной кампанией в советской прессе 4 декабря выходит статья Ф.П. Шипулинского «Евреи на экране». Ее автор, в частности, констатирует:

«У хулиганства есть родной брат, его «второе я»: антисемитизм.

Оба они – дети одного и того же общественного слоя, одной и той же политической линии. [...]

А сейчас приходится слышать, что евреям уже уделено слишком много дорогостоящей пленки, что лучше затратить ее для других национальных меньшинств.

Но другие не служили в течение десятилетий, а в европейском масштабе и столетий, головой, по которой били и крестом, и прикладом, и резиновой палкой.

Да и где эти еврейские фильмы?

«Еврейское счастье»? Но ведь это – только анекдот, милый анекдот, рассказанный евреем для евреев.

Теперь ставят «Беню Крик¹¹⁷» - апофеоз еврея-хулигана: плохая услуга евреям, плохое средство для борьбы с хулиганством!

Или сюда надо отнести появляющееся порою в «агитационных» картинах смакование еврейских погромов с «художественно» размазанными сценами изнасилования девушек-евреек? При эмоциональной заразительности кино – на какие порывы могут побудить и «возбудить» хулиганов и мещанскую молодежь эти сцены? Не проявляется ли в этих сценах скорее скрытый, быть может, бессознательный антисемитизм мещан-постановщиков?

Этот скрытый антисемитизм лезет нагло иногда, когда спекулянта, иностранного шпиона нам показывают на советском экране в образе еврея. (Впрочем, этим грешит порой и театр: пример – «Евграф» на академической сцене.¹¹⁸)¹¹⁹

¹¹² Например, в *Коммунистической академии* доклад А.В. Луначарского «Упадочное настроение среди молодежи и Есенинщина» (другое название - «Упадочное настроение среди молодежи (есенинщина)») и дискуссия по нему (в которой заметное участие принимают К.Б. Радек, Е.А. Преображенский, В.П. Полонский, В.В. Маяковский, И.М. Нусинов, В. Ермилов и др.) занимают два заседания (31 января и 5 марта 1927г.). Доклад А.В. Луначарского об «упадочном настроении среди молодежи», с прениями по нему, впоследствии публикуется в печати. См.: Коммунистическая Академия при ЦИК СССР. Информационный бюллетень. М., 1927. № 5. Январь – март. С. 19 (37), 55, 59, То же. № 7. Июль – ноябрь. С. 30.

¹¹³ Частично литература на эту тему приводится в: *А.В. Блюм. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991. Индекс советской цензуры с комментариями.* СПб., 2003 (именной указатель), особенно С. 80-81, 340-342.

¹¹⁴ По сведениям А.В. Блюма, опубликованы в составе впоследствии запрещенного советской цензурой сборника «О писательской этике, литературном хулиганстве и богеме», изданного пятидесятичным тиражом с предисловием наркома просвещения ленинградским издательством «Прибой» в 1927г. По сведениям Т.А. Никоновой и А.В. Фроловой – «в центральной партийной газете «Правда»». См.: *А.В. Блюм. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991. Индекс советской цензуры с комментариями.* С. 312. № 960, *Т.А. Никонова, А.В. Фролова. Поэзия 1920-1930-х годов // Русская литература XX века. Ч. 1. Человек и художественная реальность в литературе 1890-1940-х годов.* Воронеж, 2016. С. 275.

¹¹⁵ *В.Г. Воздвиженский. Литературный процесс 1917-1932гг. // Опыт неосознанного поражения. Модели революционной культуры 20-х годов. [Хрестоматия] / сост. Г.А. Белая, авт. вступ. ст. В.Г. Воздвиженский. М., 2001 (II). С. 28, А.В. Блюм. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991. Индекс советской цензуры с комментариями. С. 80, 312.*

¹¹⁶ См. об этом: *Д.М. Фельдман. История «бакланки»: поэты, функционеры и советский Уголовный кодекс // НЛО. 2011. № 2 (108). С. 129, 130, 131-132, особенно С. 129 (дата принятия УК и определение хулиганства).*

¹¹⁷ Так в тексте.

Как свидетельствует несколько дней спустя О. Головина, в Москве «все подавлены и морально, и материально». М.А. Булгаков великолепно обеспечен, благодаря успеху «Дней Турбиных», но «в др[угом] отношении дела его плохи».¹²⁰

На этом фоне незамеченными проходят анкетирование писателей «с вопросами о положении поэзии» (о чем Л.В. Горнунгу сообщает Б.Л. Пастернак, рассказавший, что он-де отнесся к этому опросу «иронически и ответы дал необыкновенные»). И публикация в «Журналисте» статьи Я. Шафира «Основы газетоведения», автор которой, опираясь на теории американского теоретика «бульварной журналистики» и немецкого ученого, специально занимающегося «вопросами газетоведения», и одновременно полемизируя с ними, пытается ответить на вопросы о том, «что такое новость?» и «что такое газета?»¹²¹

В 1927г. (точные даты, как правило, не называются) Б.В. Горнунга неоднократно вызывают в ГПУ в связи с изданием им (и А.И. Роммом) неофициального машинописного литературного журнала «Гиперборей» и кружка «Зеленая лампа». Впоследствии М.О. Чудакову, записавшую его рассказ о том времени, неприятно поражает казавшаяся избыточной настойчивость, с которой мемуарист

«подчеркивал, что допрашивающие уже располагали большим запасом сведений о членах кружка».¹²²

По свидетельству его сына, М.Б. Горнунга, его

«отец всю ответственность за выпуск фактически нелегального журнала взял в ГПУ на себя. Время было еще не столь суровым, и литературно-философский журнал, который был весьма далек от политики, просто запретили без особых последствий, если не считать конфискации отпечатанных экземпляров вместе со старой пишущей машинкой [...] братья Роммы тут же решили целиком переориентироваться на партийную линию в литературе и искусстве, поспешив заодно обособиться и от братьев Горнунгов».

Что несколько расходится с датированной 30 мая 1927-го дарственной надписью А. Ромма его дяде Льву на вышедшей в тот год книге «Ночной смотр» (ее текст приводит Т.Ф. Нешумова). По сведениям же М.Л. Гаспарова, наступивший вскоре 1928 год становится для А.И. Ромма

«годом душевного перелома, после которого он начал писать очень-очень плохие просоветские стихи [...]».¹²³

Дневниковые записи Л.В. Горнунга за сентябрь 1928-го содержат упоминание о его случайном разговоре на выставке современного французского искусства с «милым» коллегой по Академии В.Э. Морицем об итальянском художнике А. Модильяни, сопровождавшееся следующим комментарием автора дневника по поводу якобы имевшегося у него с братом «семейного» пристрастия к «упадочности»:

«Первый раз слышу, что мне нравится упадочное искусство. Я всегда считал себя поклонником классицизма, самого чистого и самого высокого. И причем здесь Борис? У нас слишком разные с ним

¹¹⁸ Имеется в виду пьеса А. Файко «Евграф, искатель приключений», решение о включении которой в репертуар МХАТа II Правление последнего принимает 30 декабря 1925г. См.: *И. Соловьева. ПЕРВАЯ студия. ВТОРОЙ МХАТ. Из практики театральных идей XX века.* М., 2016. С. 574.

¹¹⁹ *Летопись российского кино. 1863-1929 / отв. ред. А.С. Дерябин.* М., 2004. С. 551-552.

¹²⁰ *В. Купченко. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917-1932.* С. 326.

¹²¹ См.: *Л.В. Горнунг. Дневник ... 1926.* С. 203 (запись за 20 января 1926г.), *Я. Шафир. Основы газетоведения // Журналист. 1926. № 12. Декабрь.* С. 30-31.

¹²² *Л.В. Горнунг. Дневник ... 1927.* Из рассказа Б.В. Горнунга, записанного М.О. Чудаковой // *Он же. «Свидетель терпеливый ...».* Дневники, мемуары. С. 232-233, особенно С. 232.

¹²³ Там же. С. 240, *М.Б. Горнунг. «Ужасный, идиотский, золотушный ребенок ...»* // *Он же. Зарницы памяти [Изд. 2-е] / Изд. подгот. М.З. Воробьева.* М., 2013. С. 26-27.

вкусы и взгляды. - Борис, правда, имеет склонность к излишне левому и футуристическому, но нельзя же нас всегда путать».¹²⁴

Не выпущенный ранее за границу на Венецианскую выставку, несмотря на уже выданный заграничный паспорт (причем, по свидетельству Льва Владимировича, «в последнюю минуту»), Б.Н. Терновец в это время обращает внимание интересующегося искусством советского читателя на то, что она продемонстрировала на международном уровне отход советского искусства от левых позиций и поворот его к реализму; итальянская художественная критика с удивлением констатировала, что официальным искусством Советской России является академическая живопись.¹²⁵ Представителями которой в глазах заграничной аудитории, по-видимому, выступают ахровцы: некоторые подробности «боя» с ними членов Выставочного Комитета, по итогам которого 12 работ Ассоциации «большого размера» были посланы в Венецию¹²⁶, попал на страницы протоколировавшего соответствующие заседания Л.В. Горнунга. Который упомянул о распоряжении Агитпропа «о задержке экспонатов и о раскрытии всех ящиков для нового просмотра», а также об участии в последнем Д.П. Штеренберга (из-за произведений которого и разгорелся скандал) и Б.Н. Терновца.¹²⁷

В свете происходивших в 1926-1928гг. событий не кажутся странными ни некоторое предпочтение, которое стали оказывать ОИИНу¹²⁸. Ни возникший интерес к фашистской Италии¹²⁹ (и фашистской Италии к СССР, в связи с которым отдельные итальянские исследователи даже отмечали большую объективность фашистской публицистики об СССР в сравнении с публицистикой того же периода «в демократических странах Запада»¹³⁰). Как выяснил для себя впоследствии неоднократно упоминавшийся нами К. Малапарте (его мнение на сей счет переданы со слов советского писателя В. Некрасова),

«у вас, ну как бы об этом сказать, у вас другие люди. [...] Не такие, как мы [европейцы] [...] но не узнать их нельзя ... »¹³¹

¹²⁴ Л.В. Горнунг. Дневник ... 1928 // *Он же*. «Свидетель терпеливый ... ». Дневники, мемуары. С. 250-251 (запись за 13 сентября 1928г.).

¹²⁵ Там же. С. 245 (запись за 12 апреля 1928г.), Б.Н. Терновец. Отдел СССР на Монца – Миланской выставке в освещении итальянской прессы // *Искусство-1*. 1927. Т. IV. Кн. 3-4. С. 98.

¹²⁶ АХР на Международной выставке в Венеции // *Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х годов*. Материалы, документы, воспоминания. М., 1962. С. 143.

¹²⁷ Там же, Л.В. Горнунг. Дневник ... 1928. С. 244-245 (записи за 19, 21 и 23 марта 1928г.), особенно С. 244.

¹²⁸ Который выступил организатором выставки «Искусство народов СССР (кустарные промыслы и декоративное искусство)», проходившей в конце 1927 - начале 1928г. «в залах Нескучного дворца». См.: Отдел по изучению искусства народов СССР и Комитет по организации Юбилейной выставки искусства народов СССР // *Бюллетень ГАХН*. Вып. 10. М., 1927-1928. С. 48-53, а также: Л.В. Горнунг. Жизнеописание [февраль 1982г.]. С. 36, *Он же*. Дневник. С. 240-241, 243 (записи за 7 октября и 11 ноября 1927г. и 4 марта 1928г.).

¹²⁹ Что выявилось, например, в обсуждении 15 марта 1928г. статьи Б.А. Фохта «Футуризм» (участники которой при сравнении «специфических особенностей» футуризма в разных странах никак не могли обойти вопроса о том, почему «[Ф.Т.] Маринетти стал фашистом, а [Вл.] Маяковский - коммунистом») или принятии приглашений участвовать в международных выставках искусств в Монца-Милане и Венеции, техническую работу для которых выполнял Л.В. Горнунг. См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 30. Л. 37-38, особенно Л. 37об., Л.В. Горнунг. Жизнеописание [февраль 1982г.]. С. 37, *Он же*. Дневник ... 1928. С. 242-245 (записи за 3 и 29 февраля, 4-5, 8, 19, 21, 23 марта и 12 апреля 1928г.), а также главу 2-ю нашего исследования: Ю.Н. Якименко. Академия Художественных Наук в контексте культурной политики (1921-1929). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

¹³⁰ Г. Маццителли. Э. Ло Гатто в России // *Он же*. Очерки итальянской славистики: книги, архивы, судьбы / пер. и науч. ред. М.Г. Талалай. М., 2018. С. 116-117. Примеч. 183, особенно С. 117.

¹³¹ С. Гардзонио. Курцио Малапарте: жизнеописание как легенда. С. 20-22, особенно С. 22.

Но для юного Юрия Трифонова СССР - это Европа.¹³² И вряд ли для него одного.¹³³

4

... Вслед за административным преобразованием «главным очередным вопросом» становился финансовый, тем более что, как свидетельствуют материалы обследований РАХН, кредиты на научную деятельность, выделяемые Академии, были явно недостаточны.

В фонде А.И. Кондратьева в РГАЛИ сохранились черновики и копии протоколов заседаний Правления РАХН за указанный период, свидетельствующие о том, что еще одним из инициаторов реформы внутри Академии был Г.Г. Шпет¹³⁴, избранный членом Правления 19 мая 1923г.¹³⁵ и утвержденный членом Правления по финансовой части 11 апреля 1924г.¹³⁶

7 марта 1924г. на заседании Правления он предложил

«1. оплачивать только должности и 2. ... пересмотреть функции отдельных комиссий и иных ячеек Академии и новые заявки и установить комиссии постоянные и временные, должности оплачиваемые и неоплачиваемые».¹³⁷

По инициативе Г.Г. Шпета докладная форма работы по финансовым соображениям отодвигается на второй план. Руководители РАХН (ГАХН), «сохраняя известную долю значения за докладами», отменяют прежде всего оплату этих докладов, считая, что

«задача Академии заключается не в том, в чем заключается задача ученого общества (т.е. в заслушании интересных, имеющих большую ценность ученых докладов), но прежде всего в создании плана своей работы, в том, чтобы работа ее членов соответствовала ее целевой установке».¹³⁸

По воспоминаниям П.С. Когана, «[Г.Г.] Шпет – что очень редко для философа – оказался блестящим финансистом».¹³⁹ И в результате

«все средства, которые Академия раньше получала и тратила на доклады, теперь были обращены на создание исследовательских ячеек, т.е. на создание лабораторий, кабинетов, рукописных хранилищ и т.д.».¹⁴⁰

V

В обновленной РАХН (ГАХН) могли уже задуматься об определении ее места в системе государственных научно-художественных учреждений. О том, каким представляли себе его сотрудники Академии, можно судить по записке Н.К. Пиксанова

¹³² Ю. Трифонов. Из дневников и рабочих тетрадей [/ публ. и коммент. О. Трифоновой] // ДН. 1998. № 5 [Май]. С. 110 (запись за 9 февраля 1938г.).

¹³³ «Россия – это ... в некотором смысле Другой континент, более приближенный ... к ... азиатскому источнику», нация, «которая более чем одной чертой близка к Азии». Цит. по: Л. Дюртен. Из книги «Другая Европа. Москва и ее вера» // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920-1970 / отв. ред. Т.В. Балашова. М., 2002. С. 205.

¹³⁴ РГАЛИ. Ф. 2232. Оп. 1. Ед. хр. 119.

¹³⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 2об.

¹³⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 75об. Соответствующего распоряжения по Академии пришлось ждать еще неделю – оно появилось только 18 апреля 1924г. См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 17об. – 18.

Кандидатура Г.Г. Шпета в члены Правления по финансовой части была предложена П.С. Когану тем же Н.К. Пиксановым. См. РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 9 (письмо Н.К. Пиксанова П.С. Когану от 5 марта 1924г.).

¹³⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 92об.; Там же. Ф. 2232. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 72об.

¹³⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 7.

¹³⁹ Цит по § 4 главы 2 исследования: Ю.Н. Якименко. Академия Художественных Наук в контексте культурной политики (1921-1929). Дисс. ... канд. ист. наук.

¹⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 7.

в Президиум ГАХН, датированной 4 августа 1925г. и посвященной предстоящему празднованию двухсотлетнего юбилея Академии Наук СССР.

Указывая, что в газетах при сообщении о том, «в каких формах и какие учреждения Москвы будут чествовать Академию Наук, не уделено должного внимания ГАХН», он оценивал этот факт как «урон для обеих Академий». По его мнению,

«наша Академия была бы незаслуженно отодвинута на задний план, если бы не была включена в список учреждений, устраивающих ленинградским академиком и иностранным гостям отдельные приемы».

Мотивируя необходимость «отдельного чествования», Н.К. Пиксанов указывал, что ГАХН

«и по своему заданию, и по своей деятельности стоит в иерархии ученых учреждений Советской России непосредственно за ленинградской Академией Наук ... является необходимым восполнением Всесоюзной Академии, так как призвана разрабатывать те науки, которые не были, в силу исторических обстоятельств, включены в компетенцию старой Академии».¹⁴¹

В стремлении сотрудников ГАХН воспользоваться столь подходящим случаем не было ничего удивительного – здесь они следовали примеру самой Академии Наук. Тем более что, как показывают архивные разыскания М.Ю. Сорокиной, инициатива широкого празднования, могущего иметь «политическое значение», в том числе и «в международной политике», исходила от руководства АН СССР¹⁴² и увенчалась успехом. Напомним, что главным итогом юбилея стали признание Академии Наук «штабом советской науки», увеличение вдвое ее персонала и сметы на следующий, 1926г., а также получение международными научными связями статуса государственного приоритета.¹⁴³

Торжества сентября 1925г. призваны были сделать Академию Художественных Наук более известной не только «членам ленинградской Академии», но и представителям западноевропейских научных кругов. С этой целью Н.К. Пиксановым был предложен план мероприятий¹⁴⁴, для реализации которых требовалось заручиться поддержкой правительства и юбилейной комиссии во главе с А.И. Рыковым.¹⁴⁵

О том, насколько осуществился этот план, известно крайне мало. 2 сентября 1925г. в адрес Академии Наук была отправлена приветственная телеграмма от имени президента ГАХН П.С. Когана и члена Президиума Академии Б.В. Шапошникова.¹⁴⁶

¹⁴¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 11. Л. 66-67; об этом см. также: *Н.К. Пиксанов. Двухсотлетие Всесоюзной Академии Наук* // ПиР. М., 1925. Кн. 7. Октябрь – ноябрь. С. 310.

Ориентация на Академию Наук впервые обнаружила себя в докладе Н.К. Пиксанова Правлению РАХН о результатах его поездки в Петроград 29 сентября 1922г.; по мнению докладчика, «некоторые черты Академии Наук должна воспринять и Академия Художественных Наук, как-то: командировки и экспедиции, премии за научные труды, выставки, организаци[ю] кабинетов, музеев, [ла]бораторий и, наконец, издания. С таким коррективом Академия Художественных Наук должна и[м]еть право на существование». Цит. по: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 100.

¹⁴² *М.Ю. Сорокина. «Придать ... импозантный характер»*. С. 60-61, *Она же. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии Наук и «дело Масарика – Якобсона»* // In memoriam. Ист. сб. памяти А.И. Добкина. СПб. – Париж, 2000. С. 123-124.

¹⁴³ *М.Ю. Сорокина. «Придать ... импозантный характер»*. С. 67.

¹⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 11. Л. 69.

¹⁴⁵ Указанная комиссия была образована постановлением ЦК ВКП (б) от 8 июля 1925г. в составе народных комиссаров просвещения всех союзных республик. В связи с заявлением председателя А.И. Рыкова постановлением Политбюро от 9 июля того же года председателем комиссии был назначен В.П. Милютин. См.: «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию Наук СССР // Источник. М., 1996. № 3. С. 110. Примеч. 1 к док. № 1; Академия Наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС. 1922-1991. Т. 1. 1922-1952 / сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 38-39.

¹⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 13; Оп. 6. Ед. хр. 11. Л. 63.

На торжества в Ленинград командировали вице-президента Г.Г. Шпета¹⁴⁷, который 16 октября представил на заседании Президиума ГАХН отчет о расходах по командировке.¹⁴⁸ Кроме того, есть сведения, что Академия Художественных Наук была в числе «достопримечательностей Москвы» - научных учреждений, осмотренных гостями «за 12-е [сентября] и затем в последующие дни».¹⁴⁹ Л.В. Горнунг, впрочем, считал, что «в Москве все проходит незаметно», и было бы «хорошо» «сейчас попасть в Ленинград»: сам он знал о юбилейных днях, по-видимому, только потому, что «с празднованием юбилея Академии наук» «возился» его брат Борис.¹⁵⁰ По личным наблюдениям Льва Владимировича, для москвичей более значимыми были другие празднества - «100-летие восстания декабристов и 20-летие 1905 года». Когда в один из декабрьских дней он «в Думе зашел на выставку литературы по этим двум юбилеям», то увидел, что «1905 год преобладает». Праздничный вечер в Академии, ему посвященный и состоявший из вступительного слова П.С. Когана, «нудного» доклада В.Л. Львова-Рогачевского «о 1905г. в художественной литературе», доклада А.А. Сидорова «об отражении первой революции в живописи» и концертного отделения, не отменила даже смерть С. Есенина, гроб с телом которого был выставлен в те дни в Доме печати: «для прочтения в Академии» удалось получить от Б.Л. Пастернака отрывок из его «1905 года»¹⁵¹ ...

Что же касается повышения статуса Академии Художественных Наук и уравнивания ее с АН СССР¹⁵², то еще в феврале 1925г. она из Российской преобразуется в Государственную.¹⁵³ А в юбилейном для советской власти 1927г. был поставлен вопрос

¹⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 12. Первоначально планировалось, что «на торжества ... делегируется президент Академии проф. П.С. Коган и заместитель его проф. Г.Г. Шпет». См.: 200-летие Академии Наук ... Делегаты Академии Художественных Наук // Известия. 1925. 19 августа. № 187 (2520); Новости недели ... 200-летию Академии Наук // Искусство трудящимся. 1925. № 39. 25 августа. С. 11.

Однако от этой идеи пришлось отказаться вследствие отъезда П.С. Когана за границу. См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 12.

¹⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 244.

¹⁴⁹ Б. Молас. Юбилейные дни // Научный работник. 1925. Кн. 3. С. 48.

¹⁵⁰ Л.В. Горнунг. Дневник ... 1925. С. 154 (запись за 9 сентября 1925г.).

¹⁵¹ Там же. С. 190, 193 (записи за 23, 29 и 30 декабря 1925г.).

¹⁵² В июле 1925г. Академия Наук была признана «высшим ученым учреждением СССР». См.: В.С. Соболев. Академия и власть (1918-1930) // Вестник РАН. М., 1998. Т. 68. № 2. С. 177; Ю.Х. Копелевич, Э.И. Колчинский. Политические итоги академического юбилея 1925г. // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 39-40.

Соответствующее решение Политбюро было принято 8 июля, а празднование ее юбилея объявлялось общесоюзным праздником. См.: О переименовании Академии Наук во Всесоюзную // Академия Наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС 1917-1991. Т. 1. С. 37, СУ РСФСР. М., 1925. № 48. Ст. 363.

¹⁵³ СУ РСФСР. М., 1925. № 14. Ст. 95. См. также: Постановление СНК РСФСР от 17 февраля 1925 года «Об утверждении списка научных, художественных и других учреждений, находящихся в ведении Главнауки» // Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1925. 30 марта. № 13 (63). С. 1-8.

В самой Академии об этом узнали далеко не сразу – в мае: 12-го числа этого месяца Президиум Академии в составе Г.Г. Шпета, А.А. Сидорова и Б.В. Шапошникова принимает «к сведению» «10. Отношение Главнауки о переименовании Российской Академии Художественных Наук (№ 5764 от 9 мая с[его] г[ода])» и постановляет «внести соответствующие изменения в печать и бланк Академии». См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 109, 110об., 122 (текст отношения, из которого следует, что переименование осуществлено согласно Постановления СНК от 17 февраля 1925г. Об утверждении сети государственных научно-художественных учреждений, находящихся в ведении Наркомпроса).

Преобразование РАХН в ГАХН иногда ошибочно относят к 1922, 1923 или даже 1927г. См. например: С.П. Домогацкая. Художественное и литературное наследие Владимира Николаевича Домогацкого // В.Н. Домогацкий. Теоретические работы. Исследования, статьи. Письма художника. М., 1984. С. 6, Н.П. Комолова. Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М., 2005. С. 94, 446,

о возможности реорганизации ГАХН во Всесоюзную Академию. На заседании Президиума ЦК РАБИСа 11 марта П.С. Коган выступил с докладом о деятельности вверенного ему учреждения, по заслушании которого было решено «обсудить вопрос о целесообразности реорганизации [ГАХН] во Всесоюзную Академию Художественных Наук» в комиссии научно-художественных работников. На заседании Президиума Академии 29 марта того же 1927г. собравшиеся постановили сообщить ЦК РАБИСа о том, что Академия Художественных Наук

«находит целесообразным включение в упоминаемую ... комиссию научно-художественных работников представителя ГАХН».¹⁵⁴

На данный момент это все сведения о попытках Академии приобрести статус, аналогичный статусу АН СССР, которыми мы располагаем. Но, вероятно, они не имели успеха, поскольку в 1925г. Академия перестала быть единственным «восполнением Всесоюзной Академии», призванным

«разрабатывать те науки, которые не были, в силу исторических обстоятельств, включены в компетенцию старой Академии».

Именно к этому времени относится появление структурного подразделения, занимающегося этими же проблемами, в составе Коммунистической Академии.¹⁵⁵ Позднее резолюцией, принятой Всесоюзным совещанием при ЦК ВКП (б) по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства по докладу заведующего Отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП (б) А.И. Криницкого, Коммунистическая Академия в лице ее секции литературы и искусства обязывалась

«значительно усилить свое влияние на работу советских органов в области искусства и организаций писателей и художников».¹⁵⁶

Через полгода после ее принятия, в декабре 1928-го, заместитель уехавшего в Германию наркома по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина М.М. Литвинов, согласно воспоминаниям К. Озолса, заканчивает «свою политическую речь об иностранной политике»

«словами Интернационала, конечно, в угоду слушателям, но никак не в пользу иностранной советской политики: «Это будет последний и решительный бой»».¹⁵⁷

За несколько месяцев до упомянутых событий, 28 марта 1928г., один из основателей РАХН (ГАХН) В.В. Кандинский писал бывшему ученому секретарю последней А.И. Кондратьеву (это письмо цитирует Н. Подземская) о том, что, к своему большому сожалению, он «только по слухам - и то редким» - теперь знает «о работе Академии, к которой, однако, сохранил всю свою прежнюю теплоту»¹⁵⁸ ...

Т. Щедрина. Густав Шпет: путь философа // *Г. Шпет.* Мысль и Слово. Избранные труды. М., 2005. С. 10.

¹⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 257, 249.

¹⁵⁵ Секция литературы и искусств // Деятельность Коммунистической Академии при ЦИК СССР. К десятилетию ее существования (1918 – 25. V - 1928). М., 1928. С. 107; *С. Лопаткин.* 10 лет Коммунистической Академии // Революция и культура. 1928. Кн. 21. 15 ноября. С. 46.

¹⁵⁶ См.: Из резолюции Всесоюзного совещания при ЦК ВКП (б) по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства, по докладу заведующего Отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП (б) А.И. Криницкого «Основные задачи агитации, пропаганды и культурного строительства» [30 мая – 4 июня 1928г.] // Советский театр. Документы и материалы. 1917-1967. Русский советский театр. 1926-1932. Л., 1982. С. 25.

¹⁵⁷ *К. Малапарте.* Бал в Кремле. Москва, 1929 год. Советская аристократия глазами итальянского писателя [Незаконченный роман]. С. 307-308.

¹⁵⁸ *Н. Подземская.* Наука об искусстве и создание Российской академии художественных наук // *В.В. Кандинский.* О духовном в искусстве. Полное критическое издание с дополнениями и другими текстами о науке об искусстве. В 2т. [сост., авт. ст. и коммент. Н.П. Подземская]. Т. II. История книги. Наука об искусстве. М., 2019. С. 168.

Можно допустить также, что публикации идеологически окрашенной «исторической части» «Отчета» Академии помешали и иные обстоятельства.

VI

Осенью 1924г., на которую намечалось юбилейное заседание Ученого Совета РАХН (именно к нему был приурочен ее трехлетний отчет), на страницах «Нового зрителя» появилась статья, посвященная предстоящему трехлетию ГИМНа. Ее автор, композитор и теоретик музыки А.М. Авраамов, вскоре вышедший из состава института¹⁵⁹, выступил с «почти надгробным словом» в адрес ГИМНа. Критикуя его приверженность «схоластической, построенной на догме, традициях и «авторитетах» теории и практики *искусства*» и отсутствие подлинной научной работы во всех его секциях, он под конец обращался и к «врагам» ГИМНа, «каждую минуту готовым с наслаждением проглотить его целиком, с косточками» (в их числе была названа и РАХН), с предостережением:

«Не торжествуйте втуне: когда-нибудь и вы вздумаете справлять «юбилей», - поздравления нами уже предусмотрительно заготовлены».¹⁶⁰

В том же году хореологическая лаборатория Академии подверглась разному за предоставление своего помещения под сопровождавшийся танцевальными композициями доклад Н.С. Познякова о ритмопластике. Посетивший его критик увидел в нем «полнейший отрыв авторской идеологии от командующих запросов текущей жизни» и «эстетический субъективизм докладчика, оперирующего на зыбкой почве аналогий».¹⁶¹

Осенью Театрально-музыкальная секция ГУСа отклонила ходатайство «об организации при РАХН хорео-ВУЗа из школ [И.С.] Чернецкой, [Н.С.] Познякова и др.» под предлогом того, что

«1) танцевальное¹⁶² образование не мыслится в объеме ВУЗа; 2) РАХН лишена права иметь при себе учебные заведения».¹⁶³

Между тем в отчетных материалах А.А. Сидорова расширение рамок художественных наук на область «танца и движения как такового» трактовалось как «знаменательный эпизод», обещающий «много интересного в будущем».¹⁶⁴

На отношение к Академии, как будет показано дальше, накладывали отпечаток и ее внутренние дела; так, история РАХН 1924-1925гг. отмечена несколькими

¹⁵⁹ Хроника ... ГИМН // НЗ. 1924. № 44. 11 ноября. С. 14. Эта информация несколько отличается от того, что сообщают современные издания. По одним данным (Автор неподписанной статьи), Арсений Михайлович еще с 1923г. работал в Дагестане, по другим (С.У.) – до 1926г. «занимался сбором мат[ерия]лов для акустич[еского] изучения муз[ыкальных] ладов народов России и Ср[едней] Азии». А с 1926г. он жил в Москве и был действительным членом как Академии, так и ГИМНа. О нем см. например: Т.В. Котович. Энциклопедия русского авангарда. Минск, 2003. С. 17-18, С.У. Авраамов Арсений Михайлович // Московская энциклопедия / гл. ред. С.О. Шмидт. Т. I. Лица Москвы. Кн. 1. А-З. М., 2007. С. 17, Б.п. Авраамов (Краснокутский) Арсений Михайлович // Московская Консерватория. 1866-2016. Энциклопедия. В 2т. / редколл. А.С. Соколов, К.В. Зенкин и др. Т. II. М., 2016. С. 19.

¹⁶⁰ А.[М.] Авраамов. «Юбилей» // НЗ. 1924. № 43. 4 ноября. С. 6-7.

¹⁶¹ Ли [А.А. Черепнин]. Глядя как танцуют ... Теория и практика под госфлагом // Зрелища. [М., 1924.] № 83-84. С. 8.

¹⁶² Так в тексте.

¹⁶³ Хроника ... РАХН и хореография // НЗ. 1924. № 41. 21 октября. С. 14. Вопрос об обращении с указанным ходатайством ставился на заседании Правления РАХН 28 марта 1924г. См. РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 83.

¹⁶⁴ Организованную впоследствии Академией «выставку искусства движения» упоминал посетивший ее Л.В. Горнунг. См.: Л.В. Горнунг. Дневник ... 1926. С. 201 (запись за 11 января 1926г.).

проблемами, вызванными деятельностью ее первого ученого секретаря А.И. Кондратьева.

Еще в 1923г. возникли разногласия в Правлении Академии, связанные с «характерной для Акима Ипатовича тенденцией самовластно вершить дела по Академии, большие и мелкие, принципиальные и технические».¹⁶⁵

«Вчерашнее заседание Правления, - сообщал Н.К. Пиксанов П.С. Когану 3 ноября 1923г.,

- когда он дважды, в крайне навязчивой форме, требовал занесения в протокол таких постановлений, к[ото]рые не имеют реального значения, как и Вы разъясняли еще раз, и неприятно дало почувствовать, что он плохо владеет чувством меры».¹⁶⁶

В начале 1925г. у Академии возникла проблема, связанная с заявлением А.П. Стрельцовой по поводу переданных А.И. Кондратьеву (комиссару организованной РАХН выставки и владельцу «большой коллекции книг по В. Белинскому»¹⁶⁷) рукописей воспоминаний о критике. Данное заявление рассматривалось Президиумом и Правлением Академии в январе и породило письменные запросы к А.И. Кондратьеву¹⁶⁸ относительно судьбы переданных ему материалов. Никакими данными о его ответах по этому делу мы не располагаем.

За несколько месяцев до того А.И. Кондратьев также оказался вовлечен в «сложно-странную» (П.А. Кузько) историю с академической типографией, имевшей «долги рабочим и Мосполиграфу». Занимавшийся этим делом как член Правления по финансовой части, Г.Г. Шпет на основании наличествовавших в РАХН материалов пришел к выводу, что

«типография оборудована и отправляла свою работу с нарушением некоторых требований закона».¹⁶⁹

26 сентября 1924г. постановлением Президиума А.И. Кондратьев был досрочно отстранен от обязанностей ученого секретаря Академии. Впоследствии комиссия по чистке вынесла заключение об использовании им служебного положения в деле с типографией: являясь «руководителем административно-хозяйственной и финансовой частей» РАХН, он

«купил у своих знакомых типографию в Калуге и вместе с ней привез весь обслуживающий персонал, в том числе и своего брата, какового поместил в здании Академии. Вследствие запутанности дел, имевших место явных моментов уголовного порядка, было решено о ликвидации типографии, причем последняя была поручена ему, затянул ликвидацию, не привлек виновных к уголовной ответственности, не принял мер к получению долгов».¹⁷⁰

История с академической типографией (правда, без упоминания имени бывшего ученого секретаря) также составила один из пунктов обнаруженного нами в НИОР РГБ документа под выразительным названием «*Pro domo sua*. Анти-коганизм (или – против Академии) (*Накаплив[ание] фактов*)»,¹⁷¹ относящегося, вероятно, к 1925г.¹⁷² и представляющего по сути материал для политического доноса. Доноса, направленного

¹⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 2 (письмо Н.К. Пиксанова П.С. Когану от 23 октября 1923г.).

¹⁶⁶ Там же. Л. 3об.

¹⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 74.

¹⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 306. Л. 46, 48.

¹⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 45об. - 47.

¹⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 306. Л. 66.

¹⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 144. Карт. 5. Ед. хр. 19. Л. 6-7 (автограф П.А. Кузько). Все подчеркивания в тексте (замененные в нашей публикации курсивом) принадлежат его автору.

¹⁷² Единственная из точных дат, упомянутых в документе, - 27 мая 1925г., когда состоялось посвященное изданию сборника отделения по творчеству Л.Н. Толстого заседание Социологического отделения [См.: Там же. Л. 7]. Это событие и завершает собранные П.А. Кузько материалы.

прежде всего против руководства ГАХН в лице ее президента (П.С. Когана), одного из вице-президентов (Г.Г. Шпета) и в меньшей степени – нового ученого секретаря (А.А. Сидорова), а также Б.В. Шапошникова, В.Л. Львова-Рогачевского и М.Д. Эйхенгольца.¹⁷³ Его автором является Петр Авдеевич Кузько, в недавнем прошлом – помощник начальника Войск ВОХР Московского сектора и начальник отдела Продармии.¹⁷⁴ В Академии Художественных Наук он состоял ученым секретарем Социологического отделения и консультантом Отдела по изучению революционного искусства.¹⁷⁵ С 1 января 1926г. П.А. Кузько был переведен в сверхштатные научные сотрудники и снят с оплаты по Академии.¹⁷⁶

Материал подбирался им с большим размахом (охватывал 1924-1925гг.) и напоминал оперативную разработку. Например, автором предлагался план мероприятий, которые следовало предпринять для уличения академической «верхушки» в «определ[енном] отнош[ении] к сов[етской] власти» и финансовых злоупотреблениях:

*«Интересно бы сделать простой арифметический подсчет – сколько получил за год (скажем, 1924, [19]25-й) кажд[ый] ученый сотр[удник] академии (обычный и верхушечный) – картина получ[ится] показательная. Также интересно просмотреть серьезно темы докладов, ведущихся вообще в академии, вернее – делавшихся за эти годы ([19]23, [19]24, [19]25). Картина получится вполне «идеалистическая» (особ[енно] в филос[офском] отд[елении)».*¹⁷⁷

Отдельные пункты доноса П.А. Кузько содержали пометы о лицах, располагающих информацией в подтверждение правоты автора (например, в связи с «требующ[ей] серьезной проверки» историей 1924г. с типографией РАХН «много знает бывш[ий] секр[етарь] правл[ения] Иосиф Карл[ович] Линдемман»)¹⁷⁸. Имелось в нем и краткое указание на сигнал, некогда поступивший на схожую тему «в ЦК РКП» от коллеги П.А. Кузько еще со времен ЛИТО НКП писателя А.С. Серафимовича¹⁷⁹. Который в данном случае (наряду с С. Родовым) мог бы подтвердить отрицательное отношение к коммунизму, социализму и «даже к марксистск[ому] мировоззр[ению]» В.Л. Львова-Рогачевского.¹⁸⁰

¹⁷³ На двух (с оборотом) тетрадных полулистах фамилия П.С. Когана упомянута 7 раз, Г.Г. Шпета – трижды, А.А. Сидорова, Б.В. Шапошникова, М.Д. Эйхенгольца и В.Л. Львова-Рогачевского – по одному разу.

¹⁷⁴ НИОР РГБ. Ф. 144. Карт. 5. Ед. хр. 1. Л. 8.

¹⁷⁵ Там же. Л. 5, П.А. Кузько. Правда моей жизни. Воспоминания [1950-1960-е гг.] // НИОР РГБ. Ф. 144. Карт. 6. Ед. хр. 2. Л. 8, 10, 11.

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 334. Л. 32.

¹⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 144. Карт. 5. Ед. хр. 19. Л. 7. Внимание П.А. Кузько именно к *ФО* объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что в 1923г. он состоял его ученым секретарем. См.: П.А. Кузько. Правда моей жизни ... Л. 10, РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 334. Л. 12.

¹⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 144. Карт. 5. Ед. хр. 19. Л. 6.

Согласно материалам личного дела И.К. Линдемана – сотрудника ГАХН, в начале 1920-х Иосиф Карлович какое-то время заведовал секретариатом РАХН. А за несколько лет до того, после революции, «служил в Государственном Контроле в качестве делопроизводителя, отсюда перешел в Цеконпродарм [так в тексте; возможно, имеется в виду ЦК Продарм – Ю.Я.], затем к Чусоснабарму и, наконец, в ВСНХ». См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 358. Л. 1, 4.

Однако какими-либо сведениями о его контактах с П.А. Кузько в эти годы мы в настоящее время не располагаем.

¹⁷⁹ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград 1921-1922гг. М., 2006. С. 15. По воспоминаниям самого П.А. Кузько, их знакомство происходит в апреле 1920г. См.: П.А. Кузько. Правда моей жизни. Воспоминания. Л. 8.

¹⁸⁰ НИОР РГБ. Ф. 144. Карт. 5. Ед. хр. 19. Л. 6об.

Материалы П.А. Кузько продолжали линию письма А.С. Серафимовича, поддержанного группой коммунистов, под знаком которого прошла для Академии Художественных Наук немалая часть 1922г. В том письме говорилось о засилье в РАХН «меньшевицско-кадетских элементов»¹⁸¹, захвативших руководство литературой, и содержались политические обвинения в адрес ее президента, допустившего такое развитие ситуации, при котором «несколько человек коммунистов, входящих в состав академии, ничего в направлении деятельности академии изменить не могут» и лишь служат «ширмой» для этого учреждения.¹⁸²

Напомнив о принятом Оргбюро ЦК РКП (б) постановлении «О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской»¹⁸³, А.С. Серафимович констатировал, что «постановление это фактически осталось без выполнения». И, более того,

«на государственные средства силою государст[венного] учрежд[ения] предоставляется возможность идеологически организоваться буржуазным течениям».

Охарактеризовав подобным образом ситуацию в Академии, писатель предлагал меры для борьбы с этими враждебными течениями.¹⁸⁴

Появлению этого письма, датируемого маем¹⁸⁵ или июнем¹⁸⁶ 1922г., предшествовало обсуждение вопроса о судьбе предложенного для слияния с РАХН

¹⁸¹ К числу меньшевиков некогда принадлежала Любовь Исааковна **Аксельрод (Ортодокс)**.

Президент Академии Петр Семенович **Коган** в 1917г. критиковал тактику и поведение большевиков и примыкал к органу меньшевиков «Единство» (современные исследователи, однако, предпочитают об этом умалчивать. Ссылаясь на «противоречивость» его воззрений (Н.Н. Митрофанов) или ограничиваясь указаниями на популяризацию им марксистских идей «в лит[ературной] критике» и призыв к литераторам «идти на службу нов[ому] классу - пролетариату» и подчеркивая, что, «теоретически признавая классовый подход к оценке лит[ературных] фактов, в своей реальной лит[ературно]-крит[ической] практике» Петр Семенович «оставался далеким от него» (А.А. Смирнов)).

Меньшевиком с марта 1917г. являлся Юрий Петрович **Денике**, позднее в эмиграции считавшийся «правым среди русских меньшевиков и левым в Германской социал-демократической партии». См.: *Ю.М. Гельперин*. Аксельрод Любовь Исааковна (Ицыковна) // РП. Т. 1. А-Г. М., 1989. С. 40, *М.В. Михайлова*. Коган Пётр Семёнович // Там же. Т. 2. Г-К. М., 1992. С. 584, *А.А. Смирнов*. Петр Семенович Коган // Филологический факультет Московского университета. Энциклопедический словарь / гл. ред. М.Л. Ремнёва. М., 2005. С. 130, *Н.Н. Митрофанов*. Коган Петр Семенович // Московская энциклопедия. Т. I. Лица Москвы. Кн. 2. И-М. М., 2008. С. 202, *Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1921-1951гг.* В 2 ч. Ч. 1. М., 2010. С. 49, То же. Ч. 2. М., 2010. С. 415.

Что касается «кадетских элементов», то среди участвовавших в работе РАХН (ГАХН) таковыми являлись, например, Алексей Карпович **Дживелегов**, в годы гражданской войны отошедший от политики и переключившийся на научно-педагогическую работу, Сергей Андреевич **Котляревский**, и Александр Иванович **Анисимов**, состоявший в кадетской партии в течение нескольких месяцев в 1917г. См.: *Я.В. Леонтьев*. У них была общая любовь – Италия // Россия и Италия. Вып. 4. Встреча культур. М., 2000. С. 220; *М.Е. Голостенев*. Дживелегов Алексей Карпович (Карапетович) // Отечественная история. История с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия / гл. ред. В.Л. Янин. Т. 2. Д-К. М., 1996. С. 34, *С.О. Шмидт*. Дживелегов Алексей Карпович // Московская энциклопедия. Т. I. Лица Москвы. Кн. 1. А-З. М., 2007. С. 498, *И.Л. Беленький*. Котляревский Сергей Андреевич // Там же. Кн. 2. И-М. М., 2008. С. 279, *М.А. Колеров*. Котляревский Сергей Андреевич // Отечественная история. История с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. К-М. М., 2000. С. 75-76, Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 571-572, *И.Л. Кызласова*. Александр Иванович Анисимов (1877-1937). М., 2000. С. 60, 62.

¹⁸² Ср.: «Для отвода глаза от фактич[еского] главы (в отсутствие [П.С.] Когана) (да и в присутстви[и] его) Академии – выставление напоказ марксист[с]ки мыслящей Л.И. Аксельрод». См. *П.А. Кузько*. *Pro domo sua* // НИОР РГБ. Ф. 144. Карт. 5. Ед. хр. 19. Л. 7.

¹⁸³ Принято в феврале 1922г. О нем см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. С. 334.

¹⁸⁴ Цит. по: Там же. С. 429-430.

Института художественной литературы и критики (бывшего ЛИТО НКП), членом которого был А.С. Серафимович.

4 января 1922г. было принято решение «признать невозможным реорганизацию Института в производственную секцию» при РАХН

«ввиду того, что содержание и цели работы Института отчасти входят в задачи Главполитпросвета, отчасти совершенно неосуществимы, а персональный состав секций, за исключением лиц, уже состоящих членами Академии, неудовлетворителен».¹⁸⁷

Все-таки ставший ассоциацией (это произошло к марту 1922г., о чем не преминула сообщить «Правда»)¹⁸⁸ Институт испытывал трудности с помещением и страдал от «не[а]к[к]уратной выплаты содержания».¹⁸⁹

Кстати, о том, что именно эта причина вызвала появление письма «группы литераторов», десятилетия спустя свидетельствовал сам Петр Авдеевич Кузько в одном из вариантов своей автобиографии, сохранившихся в его личном фонде в НИОР РГБ. По сообщенным им сведениям, ему и А.С. Серафимовичу

«пришлось вести усиленную борьбу с президентом Академии старым профессором–литературоведом П.С. Коганом, который окружил себя старой искусство– и литературоведческой профессурой, стал мешать работе [А.С.] Серафимовича по созданию и укреплению пролетарской лит[ерату]ры и даже отнимать, передавая старой профессуре, так наз[ываемые] «академические пайки» у пролетарских писателей».¹⁹⁰

10 апреля 1922г. А.С. Серафимович обратился с письмом в Президиум Академии, в котором он заявлял о необходимости

«произвести фактическую ревизию дел ... на предмет выяснения причин полубездействия Института, почти всецело состоящего из коммунистов–писателей».

И практически сразу же ситуация вышла за пределы Академии - копии этого письма ушли в Акцентр НКП, РКИ, ЦК РКП (б) и лично наркому просвещения А.В. Луначарскому и И.В. Сталину.¹⁹¹ В том же месяце была образована комиссия в составе В.М. Фриче, Н.К. Пиксанова и В.Э. Морица, которой «в срочном порядке» предстояло обследовать признанную неудовлетворительной деятельность ассоциации.¹⁹²

Продлившееся около месяца обследование (его результаты были обнародованы 5 мая 1922г.) привело Правление РАХН к выводу о необходимости закрыть «ассоциацию литературы и критики» в связи с «грядущим общим сокращением штатов» Академии. И в силу того, что ее деятельность «не носит характера научной работы», а в составе РАХН уже имеется «литературная секция, покрывающая своей программой деятельность ассоциации».¹⁹³ Неделю спустя, 12 мая, Правление постановило большинство сотрудников ассоциации и ее технический персонал

¹⁸⁵ В.А. Гафнер. Партийно-советская печать как инструмент политической борьбы в советском обществе 1920-х годов. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 88.

¹⁸⁶ А.Ф. Ермаков. А.В. Луначарский и политика партии в области искусства 1917-1925гг. // Обогащение метода социалистического реализма и проблема многообразия советского искусства. М., 1967. С. 354.

¹⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 10.

¹⁸⁸ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. С. 348.

¹⁸⁹ РГАЛИ.Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 35, 47.

¹⁹⁰ См.: Автобиография Петра Авдеевича Кузько // НИОР РГБ. Ф. 144. Карт. 5. Ед. хр. 1. Л. 30 (вариант автобиографии, датированной декабрем 1957г.).

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Ед. хр. 571. Л. 22.

¹⁹² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 47.

¹⁹³ РГАЛИ.Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 55.

«считать освобожденными от обязанностей с 15 мая 1922г., уплатив им содержание по 1 июня с.г.». ¹⁹⁴

Появление письма «группы литераторов во главе с тов. Серафимовичем» привлекло внимание ЦК РКП (б). По некоторым данным, этим вопросом занимались заведующий Агитпропом (АПО) ЦК А.С. Бубнов, его заместитель Я.А. Яковлев и секретарь ЦК РКП (б) В.В. Куйбышев. ¹⁹⁵

Письмо послужило основанием для «всестороннего обследования Академии Художественных Наук», порученного коллегией Наркомпроса «председателю Высшего Военного Совета тов. [В.П.] Полонскому». Последнему предписывалось изучить, что представляет собой это учреждение «как в административно-организационном отношении, так и идеологическом», и выяснить «персональный состав лиц, привлеченных к работе в Академии», а Президиуму РАХН – «оказывать содействие [В.П.] Полонскому в исполнении возложенного на него поручения». ¹⁹⁶ Указанное обследование заняло около месяца; как явствует из опубликованного «Отчета» Академии, за это время там не было ни одного заседания. ¹⁹⁷ О ходе этого обследования на данный момент почти ничего не известно. Кроме того, что оно, судя по дальнейшим событиям, закончилось для РАХН благополучно.

Президент Академии П.С. Коган направил объяснительную записку А.С. Бубнову, в которой рассматривал возглавляемое им учреждение в его существующем виде как возможность предоставить выдающимся спецам проявить их готовность работать с советской властью и на ее платформе. ¹⁹⁸

Заручился Петр Семенович и поддержкой конкурентов А.С. Серафимовича на ниве пролетарской литературы. В фонде ГАХН в РГАЛИ сохранилась копия письма в Академию из ВАПП от 11 мая 1922г. В нем констатировалось:

«со вступлением т. Серафимовича в должность заведующего Лито определенно обнаружилось непримиримое и враждебное отношение т. Серафимовича и его ближайших сотрудников к пролетарским писателям, последствием чего был вынужденный уход из Лито наиболее деятельной группы писателей «Кузницы», существовавшей ранее в виде подотдела Пролетарской литературы. С уходом из Лито группы «Кузницы» деятельность Лито свелась к нулю. Не имея за собой ни одной литературной группы, руководители Лито окончательно дискредитировали в глазах революционных писателей авторитетное значение этого органа». ¹⁹⁹

Однако более весомым было выступление наркома просвещения, в письме В.В. Куйбышеву от 11 июля 1922г. давшего характеристику обеим сторонам конфликта. А.В. Луначарский указал, что «научно-художественной академии нельзя не придавать довольно большого значения, если вообще правильно считает ЦК ... политику известного разоружения враждебного нам интеллигентского фронта и привлечения всех мало-мальских здоровых культурных сил на нашу сторону», и настаивал на ее сохранении за небольшими изменениями в том ее виде, какой она имеет, исходя из серьезного характера ее научной работы и «политических соображений».

¹⁹⁴ Там же. Л. 56-57.

¹⁹⁵ Г.В. Веселов. Партийное руководство культурным строительством в восстановительный период (1921-1925гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 150-151.

¹⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 231. Л. 1, 2.

¹⁹⁷ ГАХН. Отчет 1921-1925. С. 89. Мандат, выданный В.П. Полонскому, был действителен с 12 июля по 12 августа 1922 г. - см.: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 31. Л. 2.

¹⁹⁸ Г.В. Веселов. Партийное руководство культурным строительством в восстановительный период (1921-1925гг.). С. 150-151.

¹⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 59.

По мнению наркома просвещения, благодаря сотрудничеству в Академии Художественных Наук многие представители «враждебного нам интеллигентского фронта»

«переделались ... в нечто весьма близкое к «сменовеховцам»²⁰⁰ и тем самым в приемлемый для нас тип».

Группа же А.С. Серафимовича

«представляет собою ничтожные таланты, или, вернее, полные бездарности, проникнутые чрезвычайной завистью и ненавистью ко всему, что имеет успех».

Поэтому оказание дальнейшего покровительства «всей этой публике» приведет к неблагоприятным последствиям: «мы будем иметь неприятный нарыв на этом месте».²⁰¹ Обратился А.В. Луначарский с письмом и к А.С. Бубнову.

Письма А.В. Луначарского В.В. Куйбышеву и А.С. Бубнову, в которых Академия признавалась «одним из самых серьезных органов нашей деловой связи с частью интеллигенции», к тому же «вовсе не так уж дорого нам стоящим», а проводимая ею работа оценивалась как «вполне удовлетворительная»,²⁰² сыграли свою роль. Как, возможно, и проведение в то же самое время процесса над партией правых эсеров, занявшего «столько нужных людей».²⁰³ 14 июля 1922г. Оргбюро ЦК РКП (б) приняло решение

«передать вопрос [о РАХН] на рассмотрение комиссии Политбюро, разрабатывающей вопрос о литераторах».

Деятельность Академии, по некоторым данным, на заседаниях руководящих партийных органов более не рассматривалась, став внутренним делом Наркомпроса.²⁰⁴

В этих условиях в РАХН демонстрирует лояльность установившемуся в стране режиму. Уже вскоре - «после перерыва летнего отдыха» - П.С. Коган, выступая перед

²⁰⁰ Постановление «О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской», к которому апеллировал в своих доносах А.С. Серафимович, указывало на «недопустимость разрешения выхода органов антисменовеховцев». См. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. С. 334.

²⁰¹ Фрагменты письма А.В. Луначарского В.В. Куйбышеву приводятся по: А.Ф. Ермаков. А.В. Луначарский и политика партии в области искусства 1917-1925гг. С. 354; Н.Ф. Пияшев. А.В. Луначарский и культурная революция // Культурная революция в СССР 1917-1965гг. М., 1967. С. 88, Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. С. 430.

Мнение наркома просвещения разделяли и некоторые знавшие А.С. Серафимовича современники – так, **Б.К. Зайцев** вспоминал, что «Александр Серафимович был всегда незадачливым, внутренне озлобленным писателем». «В революцию он сначала держался. Из первых перешел «к ним» [т.е. большевикам] [В.Я.] Брюсов – началось медленное удушение ... Старый Серафимович, Александр Серафимович, многолетний наш сотоварищ по «Среде», тоже объявился коммунистом.[...] Кружок он закрыл быстро – «как контрреволюционное гнездо». Но **И.А. Белоусов**, говоря о том, что «после Октябрьской революции многие из ... товарищей-писателей» А.С. Серафимовича «увидали в нем перемену», отметил: они мало знали его раньше - «он каким был, таким и остался». Некоторые важнейшие моменты взаимоотношений А.С. Серафимовича с писателями в первые годы советской власти кратко освещены в недавней статье М.С. Зайцева; там же приводится список основных источников и литературы о нем. Цит. по: **Б.К. Зайцев**. Москва // Московский Парнас. Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века. 1890-1922. М., 2006. С. 262-263, **И.А. Белоусов**. Ушедшая Москва // Там же. С. 195, **М.С. Зайцев**. Серафимович (наст. фам. Попов) Александр Серафимович // Московская энциклопедия. Т. I. Лица Москвы. Кн. 4. Р-Т. М., 2012. С. 230-231.

²⁰² Цит. по: А.Ф. Ермаков. А.В. Луначарский и политика партии в области искусства 1917-1925гг. С. 354; Н.Ф. Пияшев. А.В. Луначарский и культурная революция. С. 89 (из письма А.С. Бубнову от 2 августа 1922г.).

²⁰³ Цит. по: **М.И. Ульянова**. О Владимире Ильиче (Последние годы жизни) // Известия ЦК КПСС. М., 1991. № 4 (315). Апрель. С. 180.

²⁰⁴ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. С. 429-430.

Правлением по вопросу «о постановке научной работы Академии Художественных Наук», указывает:

« ... [в]ст[у]пая во второй год своей деятельности, Академии необходимо выработать ... путь научного творчества, свойственного всем научно-исследовательским учреждениям. Второй задачей является обязанность Академии ближе подойти к текущей художественной жизни страны и попытаться оказать на нее то или иное влияние. Необходимо создать вокруг Академии ряд художественных организаций, которые связали бы Академию с народной толщей. Такие организации уже существуют – Ассоциация художников революционной России, Ассоциация Пролетарских писателей и т.д. Задача Академии в отношении к этим организациям сводится к руководству их деятельност[ью] с худо[ж]ественной стороны».²⁰⁵

Из названных президентом РАХН организаций особый интерес в Академии вызвала АХРР; А.А. Сидоров даже принял участие в разработке ее декларации.²⁰⁶ В июле 1925г. был утвержден устав АХРР, согласно которому она именовалась

«Ассоциацией Художников Революционной России при Государственной Академии Художественных Наук».

Ее отношения с Академией определялись «особой инструкцией, издаваемой Правлением» последней. Представитель Академии «по ее назначению» входил в состав Президиума Ассоциации. Предусматривалось, что АХРР представляет в ГАХН подробный отчет, составляющийся «не позднее 3-х месяцев со дня окончания операционного года», а в случае ликвидации Ассоциации все ее имущества и денежные средства «передаются в распоряжение Государственной Академии Художественных Наук».²⁰⁷

В Академии также предпочли договориться с А.С. Серафимовичем и его ближайшим окружением по бывшему Институту литературы и критики – еще 12 мая 1922г. Правление РАХН постановило представить его

«на утверждение в действительные члены Академии на ближайшем заседании Ученого Совета. Предложить П.А. Кузько и М.Н. Касаткину²⁰⁸ и [А.А.] Демидову работу в Академии в качестве научных сотрудников».²⁰⁹

7 июня 1922г. П.А. Кузько утверждается ученым секретарем Социологического отделения с 1 июня²¹⁰; помимо выполнения этих обязанностей он участвует в работах комиссии по изучению революционного искусства и кабинета революционной литературы, разбирая архивы пролетарских писателей (П.А. Бессалько) и систематизируя материалы для биографического словаря писателей.²¹¹ А.С. Серафимович остается в составе Академии вплоть до 1923-го, а П.А. Кузько – до конца 1926г., когда он переходит на работу в НКПС на должность ответственного секретаря Центрального редакционно-издательского совета.²¹² 28 марта 1924г. Правление РАХН,

²⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 99.

²⁰⁶ Е.А. Кацман. Как создавался и развивался АХРР (Воспоминания) // 4 года АХРР. 1922-1926г. Сб. 1. М., 1926. С. 38; *Он же*. Записки художника. М., 1962. С. 22.

²⁰⁷ Устав Ассоциации Художников Революционной России (АХРР) // Ассоциация художников революционной России. (АХРР). Сб. воспоминаний, статей, документов. М., 1973. С. 290, 291, 296, 298, 299.

²⁰⁸ Так в тексте. Имеется в виду **Касаткин** Иван Михайлович – член Центральной литературной коллегии ЛИТО НКП и Правления Дома печати. О нем см.: В.М. Мешков. Касаткин Иван Михайлович // Московская энциклопедия. Т. I. Лица Москвы. Кн. 2. И-М. М., 2008. С. 130 и литературу при статье.

²⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 56, Оп. 10. Ед. хр. 334. Л. 6. См. также: П.А. Кузько. Правда моей жизни ... Л. 11.

²¹⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 70, Оп. 10. Ед. хр. 334. Л. 7, 30.

²¹¹ НИОР РГБ. Ф. 144. Карг. 5. Ед. хр. 19. Л. 1, 2.

²¹² НИОР РГБ. Ф. 144. Карг. 5. Ед. хр. 1. Л. 1, 30. Мотивом его ухода из ГАХН им самим (и А.С. Серафимовичем) впоследствии называется то обстоятельство, что он ««пришелся идеологически не ко двору» (т.е. не понравился академическим меньшевикам)». Дословно: «ввиду того, что Академия

рассмотрев вопрос о чествовании А.С. Серафимовича по случаю 35-летия его литературной деятельности, принимает предложение П.С. Когана и постановляет:

«1) Принять участие в чествовании А.С. Серафимовича. 2) Уполномочить П.С. Когана и Н.К. Пиксанова приветствовать юбиляра».²¹³

Возвращаясь к 1925г., отметим: нам неизвестно, был ли дан ход доносу П.А. Кузько или на тот момент все действительно ограничилось лишь «накапливанием фактов». Некоторую ясность этой ситуации придают дневниковые записи Л.В. Горнунга за 18 сентября и 4 октября 1925г., из которых следует, что на ближайшее время судьба Академии решалась именно в эти несколько недель. Согласно первой из них,

«об Академии решено свыше - перевести в Ленинград, - [но Г.Г.] Шпет еще не унывает и собирается кассировать это постановление».

Во второй так же мимоходом упоминается, что, «по последним слухам, Академия окончательно остается в Москве»²¹⁴.

Состоявшийся 5 октября «за чаем» разговор автора дневника с братом Борисом «о разных академических делах и новостях», упомянутый под соответствующей датой²¹⁵, однако, не содержит никаких подробностей. Можно предполагать (хотя, конечно, уверенности в этом нет), что братья так или иначе касались советских успехов на проходившей в том году в Париже Международной выставке декоративных искусств и художественной промышленности²¹⁶ (поскольку позднее Лев Владимирович, по его собственному признанию, принимал участие в ее «ликвидации»²¹⁷, а в состав Выставочного Комитета входил его гахновский начальник В.Э. Мориц)²¹⁸.

Художественных наук была сильно засорена меньшевистской профессурой, я не мог здесь сработаться с ними». См.: Там же. Л. 17.

²¹³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 81.

²¹⁴ Предысторию соответствующего решения (бывшего далеко не единственным в 1920-е гг.) и развитие этой ситуации в дальнейшем см. в главе 3-ей нашего исследования: Ю.Н. Якименко. Академия Художественных Наук в контексте культурной политики (1921-1929). Дисс. ... канд. ист. наук.

²¹⁵ Л.В. Горнунг. Дневник ... 1925. С. 158, 161.

²¹⁶ См. об этом например: Награда Парижской выставки художнику-полиграфу // Известия. 1925. 27 октября. № 246 (2579), Награждение Советского отдела на Международной выставке в Париже // Там же. 1925. 6 августа. № 178 (2511), Премирование украинских кустарных изделий на Всемирной выставке // Там же. 1925. 22 августа. № 190 (2523), Успех СССР на Парижской выставке // Там же. 1925. 29 октября. № 248 (2581), Успехи СССР на Международной выставке декоративных искусств в Париже // СИ. 1925 № 9. Декабрь. С. 89, Успехи СССР на Парижской выставке. Советские экспонаты получили 183 награды // Ленинградская правда. 1925. 6 ноября. № 255 (3169), Французский президент в павильоне СССР // КП. 1925. 26 июня. № 27.

²¹⁷ Которую он датировал временем, последовавшим за организацией в Москве юбилейной выставки искусства народов СССР. См.: Л.В. Горнунг. Жизнеописание [февраль 1982г.]. С. 36.

²¹⁸ Там же. С. 36-37, ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Ед. хр. 165. Л. 30; Ф. Р-5283. Оп. 11. Ед. хр. 5. Л. 21; РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. Ед. хр. 9. Л. 2.

В ближайшее к цитируемым выше в тексте дневниковым записям Льва Владимировича время на страницах советской печати появляются публикации об Отделе СССР на Парижской выставке, один из авторов которых (вскоре ставший, пусть и ненадолго, действительным членом ГАХН) рассуждает о «русском» и «советском» искусстве на ней, а другой с помощью советского павильона преподает «урок западноевропейским архитекторам». См. например: С. Вал. Урок западноевропейским архитекторам. Павильон СССР на Парижской выставке // ВМ. 1925. 28 октября. № 247, Б.[Н.] Терновец. Отдел СССР на Международной выставке декоративных искусств в Париже // Искусство трудящимся. 1925. № 46. 13 октября. С. 5-6, То же // Там же. № 47. 20 октября. С. 9-10, Я.[А.] Тугендхольд. «Русское» и «советское» искусство в Париже // Известия. 1925. 6 октября. № 228 (2561), Он же. Чему учит Парижская выставка? // Эхо. 1925. № 13. 10 октября. С. 8-9, а также: Искусство как язык - языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. II. Публикации. С. 898 (именной указатель), Распоряжение по Наркомпросу № 42 // Бюллетень Г.А.Х.Н. М., 1927. № 6-7. С. 85 (№ 89).

Но неизвестными остаются и обстоятельства появления жалобы, по которой в мае 1929г. ГАХН посетил представитель Отдела жалоб НК РКИ, на «хозяйственные беспорядки в Академии»²¹⁹ (одна из основных претензий к «верхушке» Академии в материалах П.А. Кузько, не уступающая по значимости претензии к «идеологическим физиономиям» «основного кадра» гахновских научных работников). Эта жалоба способствовала «ревизии финчасти Академии представителем Госфинконтроля» осенью того же года.²²⁰ Однако многое из того, о чем говорилось А.С. Серафимовичем и П.А. Кузько, впоследствии нашло отражение в документах комиссий по обследованию и чистке ГАХН 1929-1930гг.²²¹

VII

Обращаясь к содержанию статьи А.А. Сидорова, можно заметить неравномерное освещение им деятельности структурных подразделений РАХН. Например, *Философское отделение* присутствует здесь далеко не на первом плане; в плане личных научных интересов для второго ученого секретаря Академии куда большее значение в описываемый им период имели *Секции пространственных искусств и полиграфическая*²²², *Социологическое отделение* и *Хореологическая лаборатория*²²³,

Позднее пресса обсуждает вопрос о том, «возобновится ли международная Парижская выставка в 1926 году?» См. например: Я.[А.] Тугендхольд. Возобновится ли международная Парижская выставка в 1926 году? // Известия. 1925. 21 ноября. 266 (2599), Н. Лухманов. [О восстановлении советского павильона в Париже (Из статьи «Праздник советской архитектуры» // Наша газета. 1926. 14 мая. № 109)] // К.С. Мельников. Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика. М., 1985. С. 175.

²¹⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 197об.

²²⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 138. Л. 14.

²²¹ См. например: [Личное дело Г.Г. Шпета] // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / под ред. Т.Д. Марцинковской. М., 2000. С. 21-22 (выписка из протокола заседания комиссии по чистке аппарата ГАХН), Государственная академия художественных наук (ГАХН). Первый арест (1921-1930) // Александр Георгиевич Габричевский: биография и культура. Документы, письма, воспоминания. В 2-х кн. [/ сост. О.С. Северцева]. М., 2011. С. 130-131 (то же самое).

²²² Позднее А.А. Сидоров вспоминал о периоде, предшествовавшем созданию РАХН: «Особенностью лично автора данных строк после Мюнхена, в годы первой мировой войны, стало увлечение графикой. Участие на выставках небольшой дилетантской группы «Семь», замеченной в прессе критиком Я.А. Тугендхольдом. [...] И из личных практических занятий графикой – искусством линий – из увлекшей меня в те годы практических занятий гравюрой под руководством И.Н. Павлова и офортом у А.В. Манганари, из еще более раннего литературного увлечения символизмом-модерном, родилось первое мое «большое» полуследование, полукомментированный альбом «Бердслей» 1917 года. Совсем несозвучный эпохе, этот труд был подготовлен раньше, во времена первой мировой войны.

Автору данных строк всегда было свойственно чистосердечно признаваться в собственных ошибках. Книга о Бердслее принесла ее автору известность в художественных, отнюдь не «ученых», кругах Москвы и Ленинграда, «повредила» в последних его репутации. [...] В данной главе воспоминаний автор склонен вполне спокойно отнести к своему молодому «бердслеянству» как к этапу увлечения специальностью его последующей жизнедеятельности: графика и книга ... ».

В 1926г. Алексей Алексеевич был одним из немногих российских участников Выставки революционного искусства Запада, на которой он был представлен монографией о скончавшемся в 1923г. французском графике Т. Стейнлене 1919 года издания. Эта книга (под названием «**Стейнлен, художник парижского пролетариата**») была единственной работой о художнике при статье о нем, опубликованной в вышедшем уже после войны томе БСЭ. Цит. по: А.А. Сидоров. Первые шаги советского искусствознания (1917-1921) // Искусство-3. 1976. № 1. С. 44-45, см.: Каталог выставки революционного искусства Запада [/ предисл. П.С. Когана]. М., 1926. С. 31. № 433, Б.п. Стейнлен (Steinlen), Теофиль Александр // БСЭ [Изд. 1-е] / под ред. С.И. Вавилова, К.Е. Ворошилова, А.Я. Вышинского, П.И. Лебедева-Полянского, А. Лозовского, Ф.Н. Петрова, Ф.А. Ротштейна, О.Ю. Шмидта. Т. 52. Сознание – стратегия. М., 1947. Стлб. 819-820, особенно Стлб. 820.

название которой было придумано лично им. Именно в деятельности перечисленных ячеек А.А. Сидоров и был наиболее активен. Сотрудничество его с *ФО* относится к более позднему времени²²⁴ и, возможно, отчасти поэтому оказывается за рамками его статьи.

В то же время, подобно авторам других статей об Академии из ее среды, он должен был в первую очередь показать значимость Академии для текущего культурного строительства. Именно этим объясняется, по-видимому, то внимание, которое он уделяет участию РАХН в важных для советской власти мероприятиях практического порядка (например, ее деятельность, связанная с изучением состояния художественной промышленности или полиграфического производства). На момент написания публикуемой нами статьи об Академии А.А. Сидоров, по сведениям С. Грачевой, уже выступил на страницах «Печати и революции» с серией статей «Искусство книги», в которой

«детальнейшим образом рассматривался книжный «организм», как синтетическое произведение искусства (позднее, в 1922 и 1979 гг., она выходила отдельными изданиями)».²²⁵

Кроме того, в 1922 году Алексей Алексеевич опубликовал в упомянутом издании

«цикл статей «Очерки по истории русской иллюстрации». Их целью стало обоснование книговедения как самостоятельной дисциплины – научно-художественного учения о книге, названного автором «библиологией». В них отражена позиция ученого, глубоко изучавшего различные проблемы социологии искусства. Искусство – «лучший барометр социальной жизни человечества», полагал он. При этом книжное искусство – «может быть, наиболее чуткий указатель этого барометра»».

С. Грачева отмечает, что в дальнейшем упомянутые «Очерки» становятся «серьезной научно-методологической основой фундаментальных книговедческих исследований А.А. Сидорова».²²⁶

В наши дни для некоторых авторов, однако, гораздо важнее А.А. Сидоров, в 1920-е гг. уделявший внимание

«новаторскому танцу, исканиям московских студий пластического и ритмического танца».

Соответственно большое значение придается тому обстоятельству, что

«под руководством С[идорова] в 20-е гг. в хореологической лаборатории ГАХН шла работа, в которой принимали участие многие хореографы-новаторы».

²²³ Позднее А.А. Сидоров несколько сместил акценты – с «искусства движения» на кино. В уже цитировавшихся воспоминаниях он писал о своей ««легкомысленной», как ее характеризовали некоторые университетские коллеги, тяге ко всему новому и небывалому»: «Относилось сюда и мое увлечение искусством движения, живой во времени и пространстве зримой пластикой. Это привело меня в мир кино ... » (и далее перечисляет свою деятельность на этом поприще в указанный период). Цит. по: А.А. Сидоров. Первые шаги советского искусствознания (1917-1921). С. 45-46.

По данным Т.Ф. Нешумовой и Е.Г. Милюгиной, основным, вероятно, в том числе и на собственных признаниях автора процитированных выше воспоминаний, с 1918г. Алексей Алексеевич работал в Кинокомитете Наркомпроса. Составители советской кинолетописи, начавшей выходить в 2004г., отмечают публикацию его статьи «**Кинематограф и изобразительное искусство**» в программном сборнике под редакцией ВФКО «Кинематограф». См.: Т.Ф. Нешумова. Сидоров Алексей Алексеевич // РП. Т. 5. П-С. М., 2007. С. 608, Е.Г. Милюгина. Сидоров Алексей Алексеевич. С. 263, Летопись российского кино. 1863-1929 / отв. ред. А.С. Дерябин. М., 2004. С. 293 (под датой: «[1919,] май - июнь»).

²²⁴ См. например: Ю.Н. Якименко. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН. С. 381-382, 386-388, 397-398.

²²⁵ Цит. по: С. Грачева. Художественная критика в журнале «Печать и революция». С. 543, см. также: Б.н. Сидоров Алексей Алексеевич // Книговедение. Энциклопедический словарь / гл. ред. М.Н. Сикорский. М., 1982. С. 483. Е.Г. Милюгина дополняет эти сведения указанием на резкую критику отдельного издания «Искусства книги» (1922) со стороны «ЛЕФа в лице О.М. Брика». См.: Е.Г. Милюгина. Сидоров Алексей Алексеевич. С. 263.

²²⁶ Цит. по: С. Грачева. Художественная критика в журнале «Печать и революция». С. 548.

А его книга «Современный танец» рассматривается ими как «единственный труд на эту тему на русском языке» и «первое в России исследование по сопоставлению западной хореографии с российскими экспериментами».²²⁷

Вероятно, следует учитывать и позднейшую автохарактеристику Алексея Алексеевича из опубликованной за несколько лет до смерти, в 1976г., главы его воспоминаний о «первых шагах советского искусствознания». Доктор искусствоведения²²⁸, член-корреспондент АН СССР (с 1946г.)²²⁹ и заслуженный (с 1947г.) деятель искусств РСФСР²³⁰, представляя себя читателю в первую очередь «работником университета и музея», отмечал, обращаясь к одному из ранних периодов своей научной биографии:

«Автор вообще много писал, был и литератором и журналистом, ясно отдавая себе отчет об ошибочном, встречавшемся в его литературном труде. Но всю жизнь автор ощущал себя скорее человеком живого слова, «оратором», нежели писателем. Говорить было ему легче, чем работать пером. Автор первый в Москве, еще студентом, в 1912 году провел экскурсию посетителей (помнится, совсем молодых учащихся) только что открытого Музея слепков, Музея изящных искусств, университетского музея. [...]

Пишущий эти строки любил тогда это дело – живой разговор со зрителями перед лицом самого искусства, ответы на вопросы, порой полемические, порой наивные ... »²³¹

Этим А.А. Сидоров был близок тем гахновским кругам, к которым относилась и одна из шпетовских учениц А.К. Соловьева; быть может, именно поэтому при первоначальном зачислении Аполлинии Константиновны в сотрудники Академии ее руководителем был определен как раз Алексей Алексеевич.²³² «Анекдоты» из его

²²⁷ Цит. по: Т.В. Котович. Сидоров Алексей Алексеевич // *Она же*. Энциклопедия русского авангарда. Минск, 2003. С. 290, Хореология // Там же. С. 380, см. также: Н. Мислер. Вначале было тело. Ритмопластические эксперименты начала XX века: хореологическая лаборатория ГАХН. М., 2011, И. Сироткина. Свободное движение и пластический танец в России. М., 2011.

²²⁸ См.: Об авторах // Русская советская художественная критика. 1917-1941. Хрестоматия / под ред. Л.Ф. Денисовой и Н.И. Беспаловой. М., 1982. С. 878.

²²⁹ Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // БСЭ. Изд. 2-е / гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 39. Сигишоара – соки. М., [1956]. С. 13, Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // БСЭ. Изд. 3-е / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 23. Сафлор – Соан. М., 1976. С. 354. Стлб. 1048, Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // ЭСМУ. Исторический факультет / отв. ред. Л.В. Кошман. М., 2004. С. 420, Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // Новая Российская энциклопедия / гл. ред. В.И. Данилов-Данильян, А.Д. Некипелов. Т. XV (1). Сент-Китс и Невис – Соединенные. М., [2015]. С. 108.

²³⁰ Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 39. С. 13, Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // БСЭ. Изд. 3-е. Т. 23. С. 354. Стлб. 1048, Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // Новая Российская энциклопедия. Т. XV (1). С. 108.

²³¹ Цит. по: А.А. Сидоров. Первые шаги советского искусствознания (1917-1921). С. 45.

Характеризуя в те годы (например, в статье из первого номера гахновских «Бюллетеней») наступившую эпоху, он отмечал, что «живое искусство требует особых методов изучения и обращения с собою. Научнообразная сухость и точность скольких историко-художественных работ, в структуре и практике ГАХН сменяется дискуссионностью, открытостью, спорностью и в то же время интересностью большей, нежели на то когда-либо сумеет претендовать история искусств. – Найти и сказать правду о современности труднее и полезнее, чем о прошлом. Пред ГАХН [так в тексте] во всем разделе данным встала бы грандиозная задача выяснить истинные объективные ценности критики современного искусства. Ибо критика донныне [в тексте раздельно: «до ныне» - Ю.Я.] была в очень значительной мере – тоже искусством». См.: А.А. Сидоров. Изобразительные Искусства 1924-25гг.: СССР и Германия. С. 19-20.

²³² См. Ю.Н. Якименко. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН С. 377.

Т.Ф. Нешумова останавливается на творческой атмосфере «дома в Николаевке, где прошло детство С[идорова] (в имении гостили акад. А.Н. Северцов, музыкант Д.С. Шор, С.Н. Дурьшин, Д.С. Усов)». Среди заслуживающих внимания фактов его биографии Е.Г. Милюгина упоминает о его учебе (и золотой медали по окончании в 1909г.) 9-й московской классической гимназии им. И.Л. и А.К. Медведниковых, о которой упоминается и в недавних воспоминаниях М.Г. Шторх. Эти сведения, впрочем, противоречат информации Г.Н. Ульяновой, согласно которой медведниковская мужская гимназия (располагавшаяся по адресу: Староконюшенный пер., 18) имела другой (8-й) номер (Т.Ф.

жизни - предмет обсуждения далеко не всех гахновцев и, возможно, не в 1920-е гг.²³³ Как и собиравшаяся им коллекция графики²³⁴ ...

В хронологическом отношении наиболее обстоятельно, с привлечением материалов инстанций, ведавших культурной политикой²³⁵, освещена А.А. Сидоровым в его статье деятельность НХК, предшествующей возникновению Академии Художественных Наук. Помимо указанных материалов его источниками являются также протоколы и стенограммы заседаний либо плохой сохранности, либо такие, доступ к которым затруднен или местонахождение которых в настоящее время неизвестно.

Отдельными фактами и выводами статья А.А. Сидорова восходит к двум страницам его записной книжки за 1924г.²³⁶ Основное внимание здесь (как и в публикуемой статье) уделено событиям 1921-1922г., однако некоторые моменты, с его

Нешумова, как и анонимный автор статьи об Алексее Алексеевиче в ЭСМУ, номер гимназии не указывают).

Е.Г. Милюгина останавливается и на дружбе А.А. Сидорова с С.Н. Дурьлиным, вместе с которым Алексей Алексеевич «работал над оставшимся неоконч[енным] фантастич[еским] ром[аном] «Семь крестов» о ср[едне]век[овом] рыцаре, воскрешен[ном] иск[усст]вом мага и принужден[ном] при таинств[енных] обстоятельствах преобразиться в моск[овского] футуриста. Образ поэтич[еской] М[осквы] нач[ала] 1910-х запечатлен в посвящении Дурьлину «О, молодость, ты промелькнула гулко ...» (1926) как путь от дома С[идорова] в Б. Афанасьевском пер., 17, мимо пам[ятни]ка Н.В. Гоголю на Пречистенском бул[ьваре] в «Мусагет» (д. № 31) – место встреч с Э.К. Метнером, А. Белым, Б.А. Садовским, посещении меблир[ованных] комнат «Дон» на Смоленском рынке, где жил Л.Л. Кобылинский (Эллис), и мастерской скульптора К.Ф. Крафта на Пресне, где собирался «Молодой Мусагет» и выступал М.А. Волошин».

Как указывает Т.Ф. Нешумова, Алексею Алексеевичу принадлежит «первый в России полный пер[евод] неоконч[енной] поэмы И.В. Гёте «Тайны» (1911; изд[ан]: М., 1914, с предисл[овием] Г.А. Рачинского), вызвавший противоречивые отзывы (все – 1914 [...]). Кроме того, по ее сведениям, в 1914г. А.А. Сидоров опубликовал программную статью «Гёте и переводчик» о принципах художественного перевода, в которой «доказывалась неизбежность потерь при переводе произведения на др[угой] язык».

В сохранившейся в архиве А.А. Сидорова работе «**Эволюция художественного образа в истории искусств. Мотив речного божества**» ее автор предлагал заменить в истории искусства проблему «влияния» проблемой «созвучности». Это предложение имело истоком, вероятно, занятия музыкой в «кружке единомышленников» в начале 1920-х гг. Похожие идеи в это время выдвигаются и в лингвистике, свидетельство чему – взгляды А.К. Соловьевой. См.: Т.Ф. Нешумова. Сидоров Алексей Алексеевич. С. 607, Е.Г. Милюгина. Сидоров Алексей Алексеевич. С. 263, Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // ЭСМУ. Исторический факультет. С. 419, Г.Н. Ульянова. Медведникова (урожд. Сибирякова) Александра Ксенофоновна (Константиновна) // Московская энциклопедия. Т. I. Лица Москвы. Кн. 2. И-М. М., 2008. С. 584, Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович. Полная версия воспоминаний Марины Густавовны Шторх. М., 2015. С. 50, Ю.Н. Якименко. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН С. 387-388. Примеч. 217.

²³³ Л.В. Горнунг. Дневник ... 1934 // Он же. «Свидетель терпеливый ...». Дневники, мемуары. С. 381 (запись за 15 июля 1934г.).

²³⁴ Л.В. Горнунг. Дневник ... 1951 // Там же. С. 508 (запись за 27 февраля 1951г.).

²³⁵ В 1923-1924 академическом году документы «государственных учреждений, регулировавших жизнь искусства во всех его видах» (бывших Отделов ЛИТО, ТЕО, МУЗО, ИЗО Наркомпроса и др.) изучались *Отделом (Комиссией) по изучению революционного искусства*, ведущего работу под наблюдением и при участии *Социологического отделения*. Архивные материалы, переданные Академии Главнаукой, систематизировались и описывались Г.В. Жидковым, П.А. Кузько и А.Г. Левенталь; одновременно с этим производились отбор и переписывание «наиболее важных в историческом отношении документов». См. об этом: ГАХН. Отчет 1921-1925. С. 15.

²³⁶ Это относится, например, к утверждению о том, что «влияние теоретико-искусствоведной группы работников секции изобразительных искусств в *Философское* отделение есть шаг, заслуживающий того, чтобы быть отмеченным и принципиально, как важный этап развития научно-художественной мысли» - см. НИОР РГБ. Ф. 776. Карт. 11. Ед. хр. 17. Л. 41об.

точки зрения, заслуживающие быть отмеченными, так и не были им освещены и нуждаются в дальнейшем прояснении.²³⁷

Автор публикуемой статьи был активным участником культурной жизни Москвы в период, предшествующий созданию РАХН и весьма информированным человеком, поэтому в изложении предыстории Академии он не ограничивается (как в свое время А.И. Кондратьев) простым упоминанием недолго существовавших научных институтов, ставших впоследствии секциями РАХН. Но говорит и о структурах, преемницей которых в той или иной степени стала Академия (МИХИМ, СЕТИМ²³⁸). История РАХН представлена в его статье более выпукло и объемно, чем у А.И. Кондратьева, хотя многие детали, имеющиеся в статье первого ученого секретаря и не исключено, что важные для современного исследователя, и выпали по тем или иным причинам из поля зрения А.А. Сидорова. В частности, в ней отсутствуют (при в целом внимательном отношении автора к деятельности Александра Георгиевича²³⁹) хотя бы краткие сведения об одном из докладов А.Г. Габричевского, посвященных творчеству И.В. Гёте, - опубликованном уже в наши дни докладе «Поэтика Гётевского Западно-Восточного Дивана».²⁴⁰

Кроме того, как можно убедиться, ознакомившись с нашей публикацией, совсем не повезло в изложении гахновской истории и А.Ф. Лосеву, который с братом автора статьи, священником С.А. Сидоровым, собирався, по некоторым данным, участвовать в планировавшейся еще в «очень неподходящем 1918 году» серии книг по русской религиозной философии «Духовная Русь».²⁴¹ Из этой затеи ни тогда, ни потом вследствие различных обстоятельств ничего не вышло, а несколько лет спустя, в 1923-м, Алексей Федорович становится действительным членом РАХН. Годом позже, в 1924-м, он является заместителем председателя *Комиссии по изучению истории эстетических учений* при *ФО* Г.Г. Шпета и с этого же времени заведует в Академии

²³⁷ Неясной, в частности, остается помета «Г.Г. Шпет через ГИМН» - см. Там же. Л. 41об.

²³⁸ А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924. С. 45. Примеч. 131 и 133.

²³⁹ О докладах А.Г. Габричевского в Академии на ранних этапах ее существования см.: А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924. С. 39. Примеч. 104, С. 75. Примеч. 313, С. 77. Примеч. 321, С. 86. Примеч. 365, С. 89. Примеч. 383, С. 91. Примеч. 396.

²⁴⁰ См.: А.Г. Габричевский. К поэтике «Западно-Восточного дивана» Гёте // *Он же*. Морфология искусства / сост. и примеч. Ф.О. Стукалова-Погодина, общ. ред. А.М. Кантора. М., 2002. С. 724-764.

Как было сообщено автору настоящего исследования О.С. Северцевой, этот доклад мог и не быть гахновским; в имеющихся в составленных ею книгах биохрониках Александра Георгиевича эта работа не упоминается.

В свою очередь, по сведениям его публикаторов, рукопись доклада, сохранившаяся в архиве А.Г. Габричевского, имеет в конце надпись, сделанную рукой Александра Георгиевича, следующего содержания: «Начато летом 1922г. (Крылатское). Окончено 30-го января 1923г. В 7-30 вечера (Москва)». На титульном листе машинописи текст доклада «датируется 1922г.»; первая страница имеет надпись: «Доклад А.Г. Габричевского от 1 октября 1923г.». Согласно материалам, сохранившимся в фонде ГАХН в РГАЛИ, доклад о «Западно-Восточном диване» действительно читался в Академии в 1923г., но в другой день – 2 октября. Известен и круг лиц, участвовавших в его обсуждении. В их числе А.Л. Саккетти, М.И. Каган, Б.И. Ярхо, М.А. Петровский, П.С. Попов, А.С. Ахманов. См.: Основные даты жизни и деятельности А.Г. Габричевского // Александр Георгиевич Габричевский. 1891-1968. К столетию со дня рождения. Сб. материалов / авт.-сост. О.С. Северцева, Я.В. Брук, под ред. Я.В. Брука. М., 1992. С. 74, Даты жизни и деятельности А.Г. Габричевского // Александр Георгиевич Габричевский: биография и культура. Документы, письма, воспоминания. С. 712, Комментарии // *Габричевский А.Г.* Морфология искусства. С. 842, РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 4. Л. 4об., 5, Ед. хр. 5. Л. 1, 4.

²⁴¹ См.: А. Тахо-Годи. Лосев. М., 1997. С. 68-69, особенно С. 69, *Она же*. Жизнь и судьба: воспоминания. С. 345.

Музыкально-психологической комиссией.²⁴² Однако сидоровская статья об Академии художественных наук ни одного упоминания имени А.Ф. Лосева не содержит.

Происходит это, по-видимому, отчасти вследствие незавершенности сидоровской статьи, изложение истории Академии в которой заканчивается событиями весны 1923г.²⁴³ А отчасти – и в силу личностных характеристик А.А. Сидорова, которые почти не изменились и позднее, о чем свидетельствует общавшаяся с ним в 1960-е А.А. Тахо-Годи. В это время, в оценке последней (подтвердившей давнее знакомство двух упомянутых деятелей науки), Алексей Алексеевич - уже «большой ученый, выдающийся знаток книжной графики, искусства вообще, совсем не чуждый эстетики, хорошо знавший Алексея Федоровича еще в 20-е годы, в ГАХНе», - входил в редколлегию «Вопросов эстетики», где были напечатаны две лосевские «замечательные статьи о калокагии и канонах». По мнению Азы Алибековны,

«А.А. Сидоров – человек осторожный – несмотря на другое время, рисковал, печатая Лосева. Для него античная эстетика, как и любая другая, была реальностью, но ведь и биография Лосева – тоже реальность. С малоприятными фактами этой биографии была некогда связана судьба родного брата Алексея Алексеевича, известного священника [...] погибшего в репрессиях начала 30-х»,

- со ссылкой на В.С. Бобринскую поначалу сообщает биограф А.Ф. Лосева ... записывая в родственники А.А. Сидорова совершенно другого человека, некоего о. Александра Сидорова.²⁴⁴

В действительности родного брата Алексея Алексеевича звали Сергеем, в 1920-е гг. он и в самом деле был близок к П.А. Флоренскому, а в 1930-е действительно был репрессирован. Но датой его смерти официально считается 1937 год.²⁴⁵ В конце 1990-х увидела свет книга, подготовленная к печати дочерью о. Сергия и племянницей Алексея Алексеевича, В.С. Бобринской.²⁴⁶

Оставим «лосевский» сюжет в биографии А.А. Сидорова другим исследователям, зафиксировав здесь неточности и противоречия в связанных с ним источниках, и снова вернемся к умолчаниям в опубликованной нами статье о ГАХН. Некоторые из них имеют отношение к наступившей революционной эпохе и ее главным действующим (или считающимся таковыми) лицам.

В частности, знакомство с этой статьей позволяет обнаружить, что ее автор почти не касается ленинской тематики, хотя, по некоторым данным, им самим в свое время как раз и была

«написана первая статья, посвященная образу В.И. Ленина в изобразит[ельном] иск[усств]е (сб[орник] «Великий вождь», 1924)».²⁴⁷

Ссылка на первого руководителя советского государства дается им лишь однажды, причем в цитате из президента Академии П.С. Когана, подлинная роль которого (равно как и роль наркома А.В. Луначарского) в деле создания ГАХН была

²⁴² См.: Там же. С. 347, Ю.Н. Якименко. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН. С. 350, Искусство как язык - языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. II. Публикации. С. 872 (именной указатель).

²⁴³ А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924. С. 97.

²⁴⁴ Цит. по: А. Тахо-Годи. Лосев. М., 1997. С. 311-312. Эта ошибка была исправлена только в 2009г. См.: Она же. Жизнь и судьба: воспоминания. С. 391.

²⁴⁵ См.: Е.Г. Миллюгина. Сидоров Алексей Алексеевич. С. 263.

²⁴⁶ См.: Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В.С. Бобринской. М., 1999.

В каталоге РГБ за ним также числится изданная несколько лет спустя после «Записок» книга под названием «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. О странниках земли русской» (М., 2002).

²⁴⁷ Б.п. Сидоров Алексей Алексеевич // Книговедение. Энциклопедический словарь. С. 483.

для него очевидной.²⁴⁸ Впоследствии о ней кратко упомянет и А.К. Соловьева, в очередной раз обратившаяся к воспоминаниям о своей жизни незадолго до смерти, в 1970-е гг. (соответствующую цитату, касающуюся руководства НКП РСФСР и ГАХН, мы приводили в специально посвященном Аполлинарии Константиновне исследовании²⁴⁹). Но не всегда - для современных исследователей, отдающих предпочтение вкладу в создание Академии О.А. Шор²⁵⁰ или В.В. Кандинского и указывающих на роль в назначении на высшую руководящую должность в ней Петра Семеновича наркома просвещения. Главным источником для них в этом вопросе служат воспоминания вдовы художника, недавно вышедшие на русском языке.²⁵¹

В наши дни воздать должное Петру Семеновичу было бы невозможно без новейших документальных публикаций, последняя из которых в настоящий момент - фрагмент воспоминаний левого французского интеллектуала А. Гильбо "Du Kremlin au Cherche-midi" («Из Кремля в Шерш-миди», 1933), где знакомый мемуаристу как посетитель «кафе поэтов или кафе «Домино»» (местного объединения «общерусских поэтов») с такой фамилией характеризовался как «педант» и самый яркий пример «бюрократа и консерватора, адаптировавшегося к новой системе», которого «европейские коммунисты принимали за революционного критика»²⁵². И если до момента выхода этого текста скончавшийся в 1938г. автор процитированного высказывания был известен русскоязычному читателю как корреспондент "L'Humanité" в Германии (Берлин), в 1918-1920-е гг. живший в Советской России, делегат ряда конгрессов III Коммунистического Интернационала²⁵³ и автор первой биографии В.И. Ленина (1924)²⁵⁴ и нескольких стихотворений из изданной «Огоньком» в 1926г. тиражом 14.000 экземпляров и впоследствии запрещенной советской цензурой книги

²⁴⁸ См.: А.А. Сидоров. Три года Российской Академии Художественных Наук. 1921-1924. С. 28-32, 41-43, особенно С. 30-31.

²⁴⁹ См.: Ю. Якименко. Статья А.К. Соловьевой об экспрессии. Текст с примеч. 292 и 293.

²⁵⁰ Ее участие в создании РАХН в начале 1990-х отмечал В. Борисов, сообщивший, что Ольга Александровна стала там «одним из главных сотрудников» и «встречалась со старыми друзьями М.О. Гершензоном, Г.Г. Шпетом, С.И. Гессеном» (не поясняя, впрочем, откуда в Академии взялся последний). См.: Ф.А. Степун. Мысли о России ... Письмо к О.А. Шор [8 января 1934г.] [/ вступ. ст. и сост. В. Борисова] // НМ. 1991. № 6. Июнь. С. 238.

²⁵¹ Н. Подземская. Наука об искусстве и создание Российской академии художественных наук. С. 166, 167. Примеч. 63, Н. Кандинская. Кандинский и я [/ пер. с нем. М. Изюмской, предисл. Н. Автономовой, коммент. И. Коккинаки]. М., 2017.

²⁵² См.: Отрывок из воспоминаний А. Гильбо «Из Кремля в Шерш-миди». Guilbeaux Henri. Du Kremlin au Cherche-midi. Paris: Gallimard, 1933. P. 209-250. Подготовка текста и перевод с французского Л.В. Слуцкой // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941. Исследования и архивные материалы. С. 798-805, особенно С. 802.

По мнению переводчика и комментатора этого текста, профессор МГУ П.С. Коган - это «президент основанной им же Государственной академии художественных наук» (что в свете неоконченной статьи А.А. Сидорова лишь отчасти соответствует действительности). См.: Там же. С. 805. Примеч. 12 (курсив наш - Ю.Я.).

²⁵³ В этом качестве присутствовавший на вечере, организованном для участников II Общегородской конференции Московского Пролеткульта, прошедшей 20-25 марта 1919г. А также выступавший в московском Доме печати с чтением (на французском языке) «новых беллетристических произведений» 7 октября 1920г. См.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917-1920гг. / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 370-371, 635 (под датами: «[1919,] Март, 20-25; Москва» и «[1920], Окт[ябрь], 7»).

²⁵⁴ Вышедшей в СССР двумя изданиями в течение 1925г. См.: А. Гильбо. Владимир Ильич Ленин. Биограф. очерк / пер. с авториз. нем. изд. В.М. Вельского и Г.А. Зуккау. Л., 1925, То же / пер. с франц. В.М. Вельского и Г.А. Зуккау. Изд. 2-е, испр. Л., 1925.

А.М. Эфроса «Поэзия войны и революция на Западе»²⁵⁵, то благодаря вниманию к введенному в научный оборот источнику выяснились и другие небезынтересные для историка ГАХН детали. Например, о том, А. Гильбо был «последовательным антисоветчиком и ленинцем», лично знавшим первого руководителя советского государства, жизнеописание которого для *КН* перевел А.И. Ромм (Т.Ф. Нешумова со ссылкой на Г.В. Обатнина). А до того - о вынесенном в отношении него смертном приговоре во Франции, благодаря которому он, по-видимому, и остался в России, и о том, что «с лета 1917г.» он являлся «официальным корреспондентом газеты «Правда»» и членом Союза работников науки, искусства и литературы («до начала 1919г. Союз Советских журналистов»). По возвращении во Францию в 1932г. он сел в тюрьму за шпионаж (однако место его заключения явно несло символическую нагрузку: именно в этой тюрьме, по сведениям Л.В. Слуцкой, в 1894г. состоялся первый процесс над капитаном генштаба А. Дрейфусом).²⁵⁶

Судя по публичным выступлениям П.С. Когана конца 1920-х гг. (и А.А. Сидорова конца 1960-х), оба они были «ленинцами» в смысле следования его «завету»: «в настоящее время наибольшую пользу приносит тот, кто сумел привлечь наибольшее количество квалифицированных специалистов и побудить их работать для советской власти» (П.С. Коган). И Академия Художественных Наук как раз и «проявляла большую инициативу по объединению творческих сил» (А.А. Сидоров).²⁵⁷ Но близкий им образ «вождя мирового пролетариата» мог значительно отличаться от его же образов, близких представителям входивших в СССР народов.

«Бег» времени превратил незавершенную сидоровскую статью в заметку для информационного отдела быстро прекратившего существование журнала, сохранив из множества имен современников Алексея Алексеевича, как живых, так и уже ушедших из жизни, лишь одно имя - имя одного из «корифеев русской литературы», Льва Толстого.²⁵⁸

Нежелание говорить о 1920-х гг. и осторожность в оценках этого периода - свойство, однако, не одного только бывшего ученого секретаря РАХН (ГАХН), но и, например, упоминавшегося в гахновских документах (но, опять же, не в сидоровской

²⁵⁵ По сведениям А.В. Блюма, мотивом неизменного запрета переводов его стихотворений послужил, как официально считалось (и сообщалось в КЛЭ), его переход «на троцкистские позиции» и враждебное отношение «к СССР». См.: А.В. Блюм. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991. Индекс советской цензуры с комментариями. С. 202. № 540, *Он же*. INDEX LIBRORUM PROHIBITORUM зарубежных писателей (в переводах на русский язык 1917-1991гг.) // НЛО. 2008. № 4 (92). С. 130-131.

²⁵⁶ Л.В. Горнунг. Дневник ... 1930 // *Он же*. «Свидетель терпеливый ... ». Дневники, мемуары. С. 280-281. Примеч. 5 к записи за 12 февраля 1930г., особенно С. 281, Л.В. Слуцкая. «Из Кремля в Шерш-миди»: неизвестные мемуары французского левого интеллектуала // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941. Исследования и архивные материалы. С. 794, 796. Примеч. 6.

²⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 1, ср.: П.С. Коган. О завоевании художников // Вестник работников искусств. 1921. № 10-11. С. 42.

По мнению (на тот момент уже) члена-корреспондента АН СССР А.А. Сидорова, искусствоведам 1960-х гг. «никогда» не следовало забывать, что тогдашнее искусствознание являлось «наследником и продолжателем того драгоценного опыта, который был накоплен в нашей науке в первое десятилетие после Октября под непосредственным воздействием идей великого Ленина». В это время он утверждает, поскольку так им «сообщили», что «положение о ГАХНе было подписано [...] В.И. Лениным». См.: А.А. Сидоров [Выступление на конференции, организованной Институтом истории искусств Министерства культуры СССР 20-23 июня 1967г.] // Путь советского искусства. Материалы научной конференции [/ отв. ред. Ю.С. Калашников]. М., 1968. С. 237.

²⁵⁸ [А.А. Сидоров.] Академия Художественных Наук // Наука и искусство. 1926. № 1. С. 212.

статье) Г.А. Санникова²⁵⁹, о котором его сын, вспоминая его как одного из первых (1925-1926) редакторов журнала «Октябрь», сообщал следующее:

«... как-то незадолго до смерти отца я заставлял его заняться архивом. Он отнесся к этому очень неохотно, но в течение нескольких дней перебирал листки одной из многочисленных папок, относящихся к 20-м годам, по-видимому, очень расстраивался, вспоминая прошедшую жизнь, ничего, насколько я знаю, не выкинул, не прокомментировал, закрыл эту папку и больше к архиву уже не прикасался [...]».

Оставив это дело своему сыну, «ничего» в нем не смыслившему и долгое время считавшему, что «самое ценное» из имевшихся в архиве поэта материалов - бунинское письмо в редакцию «Октября» от 25 марта 1948г., которое как-то заинтересовало И.С. Зильберштейна, и «письма Андрея Белого»²⁶⁰ ...

В целом можно сказать, что статьи обоих ученых секретарей Академии прекрасно дополняют друг друга. Один дает сведения по структурным подразделениям

²⁵⁹ См. например: ГАХН. Отчет 1921-1925. М., 1926. С. 16, 131.

Е.Р. Эйгес, сестра рахновцев И.Р. и К.Р. Эйгесов и секретарь «Литературного фронта», а впоследствии заведующая читальным залом библиотеки РАХН, во второй половине 1950-х вспоминала его как друга поэта В.В. Казина и завсегдатя московского «Кафе поэтов». В сообщениях советской печати начала 1920-х гг. Григорий Александрович – один из 15 членов «Кузницы», оставшихся в этой литературной группе после ухода из нее «двух товарищей: Родова и Дорогойченко (Малашкин был исключен раньше)». Зарубежная социалистическая печать I половины 1920-х гг. также сообщала о нем как о члене «Кузницы», бывающем в московском кружке «Армянские писатели».

В начале 1932-го Оргбюро ЦК, рассмотрев вопрос о состоянии основных советских литературно-общественных журналов, принимает решение «изданием прекратить» в отношении органа «Кузницы» - журнала «Пролетарский авангард», в состав редакции которого входил Г.А. Санников. Зимой 1934-го Григорий Александрович оказался одним из трех писателей, подписавших опубликованный в газете «Известия» некролог А. Белого, в котором последний, по сведениям В. Шенталинского, объявлялся учителем Дж. Джойса и писателем, который, «придя в литературу младшим представителем школы символистов [...] перерос свою школу, оказав решающее влияние на все последующие русские литературные течения [...]».

По сведениям третьей жены М.А. Булгакова (оставленным комментаторами ее дневника без каких-либо пояснений), в мае 1937-го «в газетах» было опубликовано «сообщение о привлечении [В.М.] Киршона, [Н.Н.] Лернера, [Г.А.] Санникова, [С.М.] Городецкого к уголовной ответственности по их деятельности в Управлении авторских прав».

Женой Г.А. Санникова была подруга М.И. Цветаевой Е.А. Назарбекян (Санникова), покончившая с собой после получения известий о ее смерти. См.: *Е. Эйгес. Воспоминания о Сергее Есенине / предисл. и примеч. С.В. Шумихина; подгот. текста С.В. Шумихина при участии С.И. Субботина // НМ. 1995. № 9 (845). Сентябрь. С. 181, 183, 189, 191, 192, особенно С. 183, Приложение I. Основной корпус писем ... П – 17.12. 1922 // Е.А. Никишина. Жанровое своеобразие писем читателей в газеты. На материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX века. М., 2017. С. 412, Среди литературных организаций ... «Армянские писатели» (Москва) // Воля России. Прага, 1923. № 18. 1 ноября. С. 87, П.Н. Зайцев. Последние десять лет жизни Андрея Белого // *Он же. Воспоминания / сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. М., 2008. С. 668. Примеч. 678, Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917-1956 / сост. Л.В. Максименков. Под общ. ред. А.Н. Яковлева (Россия. XX век. Документы). М., 2005. С. 217, 225 (с ошибкой в фамилии Г.А. Санникова), В. Шенталинский Донос на Сократа. М., 2001. С. 234, Дневник Елены Булгаковой / сост., текстолог. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской; вступ. ст. Л. Яновской. М., 1990. С. 147.**

Примерно за год до сообщения «Воли России» «Кузница» была известна президенту РАХН П.С. Когану как конкурент группы пролетарских писателей, объединившихся вокруг А.С. Серафимовича; в его статье, посвященной достигнутой советской поэзией за первое послереволюционное десятилетие результатам, было названо и имя Г. Санникова, отмеченного в ряду некоторых других «кузнецов» за сборники, свидетельствующие о «росте» их таланта. А А.К. Воронский отмечал влияние на отдельных поэтов этой группы (прежде всего В. Казина) А. Белого и исповедуемой им антропософии. См. *П.С. Коган. [Литературные края.] Поэзия (1917 - X - 1927) // КН. 1927. № 11. Ноябрь. С. 202, 205, А.К. Воронский Из переписки с советскими писателями. Вступительная статья и публикация Е.А. Динерштейна // ЛН. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования / гл. ред. В.Р. Щербина. М., 1983. № 51. С. 594. Примеч. 5 (комментарий к письму Н.С. Тихонова из Новороссийска за конец августа – начало сентября 1923г.).*

²⁶⁰ Вопреки нелепым вымыслам ... Письмо И.А. Бунина в редакцию «Октябрь» [/ вступ. заметка и публ. Д.Г. Санникова] // НМ. 1991. № 6. Июнь. С. 240-241, особенно С. 240.

РАХН (схема, использованная затем в четырехлетнем «Отчете» Академии). Другой мыслит академическими годами и результатами, достигнутыми в каждый академический год каждой ячейкой, и уделяет большое внимание взаимодействию между ними в рамках их программ, их взаимному тяготению. Так, тяготение *ФО* к СПИ уже в начальный период существования обеих этих ячеек находит здесь документальное подтверждение. С их помощью (и с привлечением многих других архивных источников) уже в наши дни стало возможным уточнить роль в разработке программы академических исследований и В.В. Кандинского, 15 декабря 1921г. в последний раз изложившего на пленарном заседании Академии план дальнейшей работы возглавлявшегося им Физико-психологического отделения.²⁶¹

Статья А.А. Сидорова «Три года Российской Академии Художественных Наук 1921-1924» опубликована впервые по черновому автографу автора, хранящемуся в НИОР РГБ.²⁶² При подготовке ее к публикации использовалась другая, опубликованная в единственном вышедшем номере журнала «Наука и искусство» без подписи, статья Алексея Алексеевича об этом учреждении.²⁶³ Обнаруженные в двух указанных текстах совпадения, отмеченные нами выше, дополнительно подтверждают авторство А.А. Сидорова в случае с вышедшей в 1926г. статьей, а также позволяют уточнить время работы над последней.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Списки сокращений, принятых в настоящем исследовании

I. Названия учреждений и организаций

Акцентр – Академический центр НКП РСФСР
АН – Академия Наук
Агитпропотдел, АПО – Агитационно-пропагандистский отдел
АРК - Ассоциация революционной кинематографии
АХРР – Ассоциация художников революционной России
ВАПП - Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОХР - Внутренняя охрана Республики
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства РСФСР
ВУЗ - высшее учебное заведение
ВФКО – Всероссийский фотокиноотдел
ГАХН (РАХН) – Государственная (Российская) академия художественных наук при Наркомпросе РСФСР
ГИМН – Государственный институт музыкальной науки
Главнаука – Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР
Главполитпросвет – Главный политико-просветительный комитет Республики
Госиздат – Государственное Издательство
Госфинконтроль – Государственный финансовый контроль
ГУС – Государственный учёный совет Наркомпроса РСФСР
ИЗО (отдел) – Отдел изобразительных искусств
Ком(м)интерн – Коммунистический интернационал
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
Лито, ЛИТО – Литературный отдел

²⁶¹ *Н. Подземская.* Наука об искусстве и создание Российской академии художественных наук. С. 157-175.

²⁶² НИОР РГБ. Ф. 776. Карт. 14. Ед. хр. 12. Вся ед. хр. Неоконченная рукопись чернилами разных цветов.

²⁶³ [А.А. Сидоров.] Академия Художественных Наук // Наука и искусство. 1926. № 1. С. 208-212.

МИХИМ – Московский институт художественно-исторических исследований и музееведения
Музо, МУЗО – Музыкальный отдел
НКП, Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР
НКПС - Народный комиссариат путей сообщения
НХК – Научно-художественная комиссия (будущая РАХН)
ОИИН – Отдел по изучению искусства народов (национальностей) СССР
Оргбюро – Организационное бюро ЦК ВКП (б)
ОЛРС – Общество любителей российской словесности
Политбюро – Политическое бюро ЦК КПСС
Продармия – продовольственно-реквизиционная армия (1918-1921, с 1919 – в составе войск внутренней охраны)
Профинтерн – Красный Интернационал профсоюзов
РАБИС – Профессиональный союз работников искусств
РАН - Российская Академия наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РКИ - Рабоче-крестьянская инспекция
РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОСТА – Российское телеграфное агентство
РСДРП - Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СЕТИМ – Семинар теории искусства и музееведения (МИХИМ после реорганизации)
СНК, Совнарком – Совет Народных Комиссаров
СПИ – Секция пространственных искусств
СССР - Союз Советских Социалистических Республик
Тео, ТЕО – Театральный отдел
Торгпредство – торговое представительство
Торгсектор – торговый сектор
Финчасть – финансовая часть
ФО – Философское отделение
ЦИК - Центральный исполнительный комитет СССР (1922-1938)
ЦК – Центральный комитет

II. Названия изданий

ВМ - Вечерняя Москва (газета). Москва
ДН - Дружба народов. Независимый литературно-художественный и общественно-политический журнал. Москва.
ЖИ-1 – Жизнь искусства. Большая художественно-литературно-театральная газета. Издание Художественного Отдела Петрогубполитпросвета / под ред. Г. Адонца (Петербургского). Петроград
ЖИ-2 – Жизнь искусства. Еженедельник [/ под ред. Г. Адонца (Петербургского)]. Петроград (Ленинград) – Москва
Искусство-1 – Искусство. Журнал РАХН (ГАХН). Москва, 1923-1928
Искусство-2 - Искусство. Ежемесячный журнал Главискусства Наркомпроса РСФСР / под ред. А.В. Луначарского, Р.В. Пикеля и А.И. Свицерского. [Москва], 1929
Искусство-3 – Искусство. Ежемесячный журнал Министерства культуры СССР, СХ СССР и АХ СССР. Москва, 1933-1991
Кинофронт - Кинофронт. Двухнедельный журнал производства, техники, теории, общественности и критики кино. Орган АРК / под ред. Ст. Асилова, О. Баршака, Д. Бассальго, А. Роома, К. Юкова и Н. Яковлева. Москва
КЛЭ – Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков
КП - Комсомольская правда (газета). Москва
НЗ – Новый зритель. Москва
ПиР – Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Москва
РП - Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь / гл.ред. П.А. Николаев
СИ – Советское искусство
СУ - Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР
ЭСМУ – Энциклопедический словарь Московского университета

Нарком – народный комиссар

Б.п. – без подписи

Ед. хр. – единица хранения

Карт. - картон
Л. (б.н.) – лист дела (без указания нумерации)
Оп. – опись
Ф. – фонд

*Апрель – июнь 2012г.,
Январь – июнь, ноябрь 2016г., июль,
декабрь 2017 – февраль 2018г., апрель - май 2020г.*